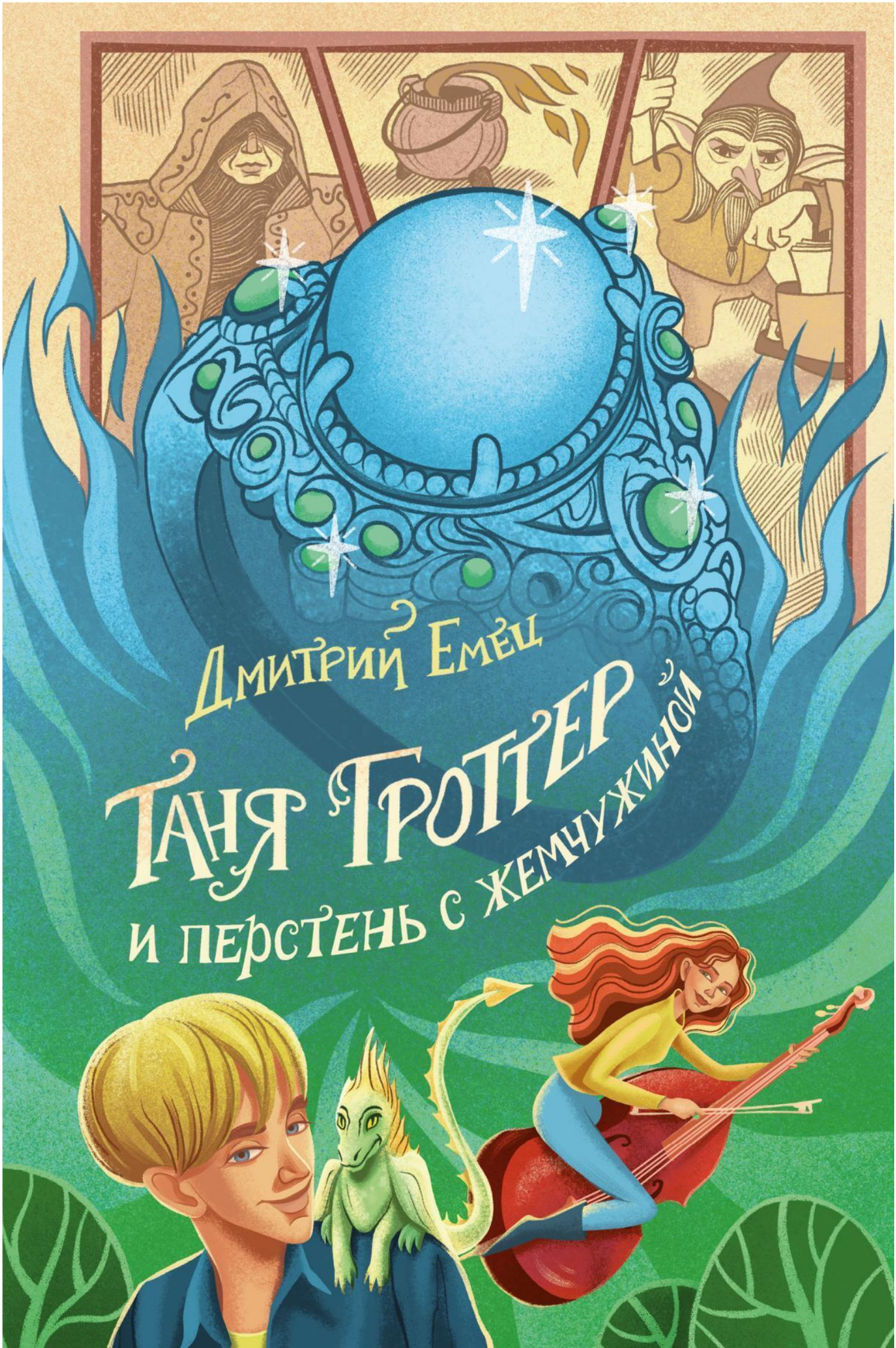
Дмитрий Емец
Таня Гроттер
и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

«Емец Д. А.»
2006

Емец Д. А.

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2006 — (Таня Гроттер)

ISBN 5-699-17813-9

После окончания Тибидохса прошел год. Время всех разбросало, все перемешало. Таня и Ягун остались в магспирантуре. Семь-Пень-Дыр, Попугаева и Зализина перебрались в мир к лопухоидам. Гробыня Склепова с Гуней обосновались на Лысой Горе. Ванька забрался в лесную глушь и живет вдали от мира, общаясь лишь с лешаками. Правда, иногда купидончики приносят Тане от него письма…У неугомонного Ягуна возникает идея устроить вечер встречи выпускников и собрать весь курс вместе. И вот приглашения разосланы, гости собрались. Казалось бы, все как прежде, но не совсем…Бессмертник Кощеев хочет перевести школу с острова Буяна в Заполярье, где вечная мерзлота. Для этого он присылает в Тибидохс ревизора Зербагана, которого связывает с островом некая тайна…

ISBN 5-699-17813-9

© Емец Д. А., 2006

© Емец Д. А., 2006

Содержание

Справочник магических заклинаний 5
Глава 1 10
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Дмитрий Емец
Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Справочник магических заклинаний

Печатается с любезного разрешения

пожизненно-посмертного главы Тибидохса,

лауреата премии Волшебных Подтяжек,

акад. Сарданапала Черноморова

Искрис фронтис – боевая искра белого мага.

Пундус храпундус – усыпляющее заклинание. Снимается с рассветом.

Первачус барабанус – для просушки мокрой одежды.

Топтакли-лягакли – «пинательное» заклинание. Нельзя отменить.

Болеус обуздатус – заклинание против боли.

Паранойус крышус срывонис! Маразматут кульминационит! – малополезная комбинация духоотгоняющих заклинаний.

Полниссимо дебилиссимо! Склеротикус маразматикус! – заклинания стирания памяти.

Туманус прошмыгус – заклинание взломщика (*черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний*).

Дрыгус-брыгус – заклинание против простейшей нежити, Черных Штор, полтергейстов и привидений.

Караваждис феокссирис! – заклинание против Короля Привидений*(один раз в год)*.

Грааль Гардарика – заклинание перехода из мира лопухоидов в мир магов. Действует в одной точке над островом Буяном.

Ливодис-курекус — снимает куриный сглаз.

Линузус очкустус – заклинание невидимости, слабенькое и довольно бестолковое. Не распространяется на волосы и одежду.

Зажималлус втюрис — «обнимальное» заклинание. Без комментариев.

Панидис паленус — не всегда же зажигать огонь с помощью спичек!

Трыгус шипелус — гасит пламя.

Хап-цап – перемещение предметов на малые и средние расстояния. Без особой необходимости не использовать. Не исключено, что перенесенный предмет окажется разбитым вдребезги.

Квасис грасис отыскатис – отыскивающее заклинание.

Голодронус голодрыгус — вызывает острое чувство голода.

Чукара курачукара – «заклинание зубрил». Полезно при подготовке уроков. На экзаменах и контрольных блокируется преподавателями (*черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний*).

Бантикус трибантикус – простенькое заклинание лентяев. Завязывает шнурки. Внимание! Если шнурков на обуви не окажется, будут завязаны пальцы ног!

Чистус трубачистус – еще одно заклинание лентяев. Умывание и чистка зубов. При наличии во рту жвачки возможен взрыв.

Бумазейкус выползанус – для дистанционного перемещения бумажек.

Пробкис вырубонис – «уходя, гасите свет».

Фурыллис эббус труфус бонирайис аппедицитус болотомус – роковой сглаз *(сокращенная форма).*

Дуллис нуллис – контрзаклинание при наложении рокового сглаза *(только в течение пяти минут после наложения сглаза).*

Гряллиум пуллиум – заклинание хаоса (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Капут тынетут — заклинание, отделяющее душу от тела*(черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).*

Гыгли-мыгли-карадыгли — наложение сглаза*(черномагическое средней силы).*

Фебрытбь — «антиикательная» магия.

Штушус коротышус — от рези в животе.

Кызютбампль шуму — от «лягушачьего» сглаза.*(Применить не позже первого позеленения!)*

Мотис-ботис-обормотис – против болотных хмырей. На другие виды нежити не действует.

Ноуменус кантус выпулялис – заклинание высвобождения магической сущности.

Разрази громус — смертельная клятва.

Актус кляузник макакис прерывонум забиякис – блокирующее заклинание Графина Калиострова.

Шлепкус всмяткус капиталис — заклинание размазывания по стене.

Парус спускалус — успокаивающее заклинание.

Атлантинус-волхвонис — заклинание пробуждения атлантов.

Сводус атлетус анаболикум – второе заклинание атлантов.

Буйнус палатис — для оживления скамьи (бешеное родео).

Кондовус руализмус — отменяющее заклинание (бешеное родео).

Цапус-застукалус — призывное заклинание проф. Клоппа.

Вспышкус гробулис — смертельный аналог *Искрис фронтис*! Используется темными магами.

Отрезвонум нормаликус! – отрезвляющее заклинание.

Маньякус пришивакус магфиозо якудзякус! – заклинание вызова магфиозных купидончиков.

Своякис маякис! – заклинание, чтобы посторонние не совали нос в твою записную книжку.

Пихалус экзаменостис! – экзаменационное заклинание. Обладает неприятными побочными действиями.

Кофейникус возбуждалус — предэкзаменационное заклинание.

Трынтравонис пофигатор — расслабляющее заклинание.

Фердыщус малокровус — заклинание против вампиров.

Рукли-букли-симпапукли — симпатяжное заклинание (+ *тройной нормукли*), усиленная форма.

Дистрофикус физкультурус! – заклинание силы.

Гумползит транзитум ваэреньо – паучий сглаз.

Быгус-гмыгус-тарагмыгус — «червяковое» заклинание малютки Клоппика.

Максимус гигантус — увеличивающее заклинание.

Нормус площидус однорылос — заклинание расширения пространства – пятое измерение.

Мизур лилипутос — уменьшающее заклинание.

Кувалдус отбрыкус – «дубиночное» заклинание малютки Клоппика.

Темпора моралес – пространственное заклинание.

Настройщикус криворукус — усмирение музыкальных инструментов.

Шмыгус сморкатис – заклинание вечного насморка малютки Клоппика.

Киякус каракатис! – стулопрыгательное заклинание малютки Клоппика.

Атыс-батыс-крутипедалис! – двигательное заклинание.

Прыгулис-дрожалис — обогревательное заклинание.

Гопус-стопус – удерживающее заклинание.

Ушкус намакушкус! – заклинание против подслушивания.

Меняус неодурачус! – «магический» взгляд; проверка на присутствие магии.

Дымус коромыслус! – заклинание магического дыма.

Дальнозоркис лупоглазус! – магический взгляд.

Воркалакус эндус черногорил — заклинание против оборотней.

Аидус лета харонум танталум – заклинание вызова (ЧдТ).

Кофеусрастворимус; Чифирюс – заклинания утреннего пробуждения г Древнир.

Идиос нафигус – нейтрализующее заклинание Шурасика.

Спасибус не булкус сменяюус пузырюс – формула общей благодарности.

Гломус вломус – стиль чугунного кулака г Гуня Гломов.

Ничегоус невечнус – заклинание быстрой смерти.

Кофеус эспрессо, Взбодреус виагрис, Жабскобснеткофе – возбуждающие заклинания.

Баста шмыглос — блокировка хмыриной щели г Жора Жикин.

Какновус — ремонтное заклинание г Жора Жикин.

Глушилос динамитос — заклинание против водной нежити г Гуня Гломов.

Обретайсиммо – заклинание обретения «своих» магических предметов.

Язвус гастритус — заклинание гурманов.

Матросиус — заклинание вызова корабля сна г «Книга Рока».

Ораторис демагогис – заклинание многоболтательных магвокатов г «Книга Рока».

Законус подлостус! – заклинание вредности г Прун.

Аммиакус нашатырюс – заклинание приведения в чувство г Гробыня Склепова.

Омонус всемлежатус — боевое заклинание принудительного открывания дверей г Графин Калиостров.

Пошли вонус — заклинание, загоняющее волшебные книги в клетку г Сарданапал Черноморов.

Ферроковалис, Канцлевариус трансформацио — заклинание превращения решетки г Ягун.

Тигранум эрхарт футц – заклинание, уничтожающее все магические ловушки и все построенные магией здания, если при постройке для защиты здания в фундамент не был заложен какой-либо магический артефакт. Кроме того, все магические ловушки могут быть сняты слезами единорога или капельками росы, собранными у него с боков.

Абордажис экз заолис преол гег орз! – заклинание глобального уничтожения. Каждая гласная в заклинании долгая. При большой концентрации энергии в перстне может уничтожить даже магический город. Главное условие: применяющий его маг не должен есть и пить полгода до его произнесения, кроме того, он должен отрубить себе правую руку и правую ногу. По этой причине заклинание использовалось исключительно редко.

Гениссум эрлих феррот либерус Дубодамум – заклинание освобождения из Дубодама.

Аморфус телепорцио – заклинание телепортации.
Сезаммо распахнулло — заклинание, открывающее двери.
Фосфорецелло – осветительное заклинание.
Адольфус бумерангум – заклинание возвращающегося башмака.

Новые заклинания

Пролазиус – заклинание Гробыни Склеповой (Лысая Гора).
Фандейро – заклинание абсолютного поиска четвертого уровня сложности.
Шредерус — склеивающее заклинание.
Прогорклюс — заклинание против наляпов.
Аспиринус прочихалис — заклинание против простуды.
Начихалус – заклинание изменения вероятности *(черномагическое из списка ста запрещенных заклинаний).*

Убийственные заклинания

Пепелис кремацио некро гродис — заклинание превращения в пепел.
Парбзит истребленцум! – с.к.з. (совсем кошмарное заклинание).
Смертус истеричкум – с.к.з.
Дохлянум! – с.к.з.
Чтопытыбысдохс! – с.к.з.
Отвянцум сволочелло! – с.к.з.
Тошнилло-колотилло-страдалло! – с.к.з.
Кишконцус заворотум! – с.к.з.
Искрис фронтис дублицио! – с.к.з.
Самтытакойус! – с.к.з.
Трых ты-ты-ты-ты-тыхс! – с.к.з.
Сам тытыхс! – с.к.з.
Тытыхс дублио форте! – с.к.з.

Полетные

Торопыгус угорелус – самое стремительное и опасное. Охотно используется магами, которым не терпится переселиться в Потусторонний Мир, и игроками в драконбол.
Тикалус плетутс – среднее по скорости и самое распространенное.
Пилотус камикадзис — медленное, но наиболее грузоподъемное. В равной степени подходит для слонов и недотеп.
Ойойойс шмякис брякис – подстраховочное.
Чебурыхнус парашютис – тормозящее.
Чебурыхнус парашютис форте – ускоренное тормозящее для экстренной посадки. При применении в неэкстренных случаях бывает опаснее экстренной посадки. В общем, мораль такая, что паника вредна.

«Заговоренный пас»

Гуллис-дуллис – Цап-царапс (блок.).
Труллис-запуллис – Леос-зафиндилеос (блок.).

Фигус-зацапус – Щупс-курощупс (блок.).

Призовые очки в драконболе

Пламягасительный мяч – 3.
Одурительный – 1.
Перцовый – 5.
Чихательный – 2.
Обездвиживающий – 10.

Habent sua fata libelli pro capite lectoris.[1]

[1] Книги имеют свою судьбу в зависимости от головы читателей (лат.).

Глава 1
Лысый чиновник с Лысой Горы

«Но, – добавлял он, – когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя».
Цицерон о Цезаре[2]

– Коты и клизмы! – сказал Тарарах.

Медузия взглянула на него вежливо и холодно.

– Прости, Тарарах, но я женщина темная и не постигаю творческого полета твоей мысли. Не мог бы ты выражаться яснее?

– Коты и клизмы. Катаклизмы. Я предчувствую их близость, – уточнил питекантроп.

– Пещерный юмор!

Одна из прядей медных волос доцента Горгоновой подозрительно шевельнулась. Почувствовав это, Великая Зуби предостерегающе коснулась ее локтя.

– Меди… не надо… ты устала и взвинчена, – шепнула она.

Медузия на миг прикрыла глаза, показывая, что прекрасно это понимает и держит себя в руках.

– И по каким же признакам, позволь тебя спросить, ты делаешь такие выводы? – спросила она у Тарараха.

– Сны, – терпеливо пояснил питекантроп. – Несколько дней подряд мне снится, что у меня выпадают зубы. А зубы у меня отличные, хотя и не самые белые. В первый раз такое было незадолго до великого переселения народов, во второй – перед чумой в начале четырнадцатого века, в третий – незадолго до Первой мировой войны.

Академик Сарданапал положил Тарараху руку на плечо.

– Надеюсь, что все еще обойдется. Мы должны успокоиться и быть едины. Недаром древние говорили: «Ранит не битва, ранит бегство». А пока я попросил бы воздержаться от прогнозов, – успокаивающе заметил он.

Питекантроп взъерошил волосы огромной пятерней.

– Да что я такого сказал-то? Ну обойдется и обойдется! Я буду только рад! – обиженно прогудел он.

Недалеко от стены, хлопая крыльями, пролетели две гарпии. Одна из них походя обругала Великую Зуби нехорошим словом и мгновение спустя с мерзким карканьем свалилась в ров. Зуби подула на кольцо.

– Так кто из нас взвинчен? – шепнула ей Медузия.

Великая Зуби поправила свою прямую, как у пони, челку и вздохнула.

– Есть вещи, которые лучше не спускать. Сминдальничаешь в малом – аукнется в большом, – заметила она.

Тарарах, Сарданапал, Поклеп Поклепыч, Медузия и Зуби стояли на стене, на том ее участке, к которому примыкала Башня Призраков, и ждали. Ждали уже почти час, вглядываясь ввысь, туда, где каждую минуту могли сверкнуть семь радуг *Грааль Гардарики*.

По балкончику Башни Призраков меланхолично плавала Недолеченная Дама и надиктовывала поручику Ржевскому список болячек назавтра. Список переваливал уже на вторую

[2] Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1990. – С. 439.

страницу и был расписан фактически по минутам. Недолеченная Дама умела ценить свое время.

Поручик старательно записывал, сопровождая каждую новую строчку кавалерийским хохотком. Недолеченной Даме это совсем не нравилось.

– Гад ты ползучий! – сказала она с досадой. – И за то, что ты такой гад, пиши: «18–00. Укоризненно умереть на руках у страдающего мужа. Подчеркнуть один раз!»

«Ползучий гад» радостно записал. Он надеялся, что на этом диктовка закончится. Но не тут-то было.

– Готово? Поехали дальше! «19–05. Укоризненно ожить на руках у безутешного мужа. «Безутешного» – подчеркнуть два раза! – продолжала диктовку Дама.

Одуревший от писанины Ржевский, бунтуя, отбросил перо.

– Надоело! Не буду писать!

Дама сдвинула брови.

– А я тебе говорю: пиши!

– Ты меня не заставишь! – выкрикнул поручик.

В голосе его супруги появились грозовые нотки.

– Это что еще за фокусы? ПИШИ! Ну же!

Ржевский не выдержал.

– А-а-а! Я тебя задушу! Недоувеченная дамочка! – задиристо крикнул он, хватая жену за шею.

Недолеченная Дама нетерпеливо поморщилась.

– Не забегайте вперед, Вольдемар! Надо уважать расписание! Удушение намечено на послезавтра на час дня! – сказала она.

Это было уже слишком. Ржевский страшно закричал, схватился за голову и сгинул.

Теплый летний вечер мало-помалу угасал. Тени становились длиннее и выцветали, сливаясь с травой. С драконбольного поля доносились возбужденные крики. Розовые языки пламени прочерчивали воздух. С той стороны защитного купола мелькали длинные зеленовато-серые тела сыновей Гоярына. На поле тренировалась новая команда, набранная Соловьем из способных учеников младших курсов. Маша Феклищева – да-да, та самая Маша, которая казалась некогда такой маленькой и смешной на чучеле крокодила! – была в ней признанным лидером. Эх, летит время!

Поклеп Поклепыч поднял воротник куцего пиджачка, что усилило его сходство с нахохлившимся грачом. Теперь пришло его время вспылить.

– Он, видите ли, задерживается! Для государственного чиновника это непростительное хамство! Мне не восемнадцать лет, и я не мальчишка, скачущий зайчиком от первого вагона кольцевой к первому вагону радиальной, так как точно не помнит, где назначил свидание! Мы имеем полное право вообще заблокировать *Гардарику*, чтобы он расшиб себе голову, – заявил он.

– Поклеп… а ты, однако, романтик! Какое забавное лопухоидное сравнение! Неужто и ты назначал свидание в метро? Разве русалки там плавают? – улыбнулась Медузия.

Поклеп побагровел и гневно уставился на доцента Горгонову.

– Что за выводы? Откуда ты их взяла? С потолка? Не помню, чтобы я говорил что-то про себя! – прорычал он.

– Не надо, Меди! Поклеп Поклепыч прав. Я тоже не вижу в поведении этого типа никакой логики, – примирительно поддержала Поклепа Зуби.

Сарданапал замотал головой, не соглашаясь с ней. Его бунтующие усы, не так давно сглаженные кем-то из юных учеников темного отделения (сам академик пока этого не замечал), коварно оплели дужки очков.

– Логика есть. Еще какая. Своим демонстративным опозданием он указывает нам наше место, – спокойно отметил он.

– Если так, то это чересчур! Что помешает нам повернуться и уйти? И пусть ищет нас, где знает! Шатается по Башне Привидений, встречая лишь олухов типа Ржевского! – вспылила доцент Горгонова.

Академик укоризненно посмотрел на нее.

– Напротив, Меди, уходить мы не должны. Этого он и добивается. Ему необходимо придраться хоть к чему-то. Именно за этим его сюда и прислали. Я уже мысленно приготовился к тому, что он будет искать повод для конфликта. И как бы нам ни хотелось превратить его в лягушку – нам придется ему улыбаться…

– Но зачем? Почему мы должны терпеть этого червя? Зачем он вообще сюда тащится? – наивно спросил Тарарах.

Питекантроп был устроен с восхитительной простотой. Голоден – ешь, весело – радуйся, обидели – дерись, любишь – целуй.

– Буян, – коротко отвечал Сарданапал. – Кое-кого на Лысой Горе посетила мысль, что школу на острове можно закрыть и устроить здесь санаторий для престарелых магов, которым-де нужен хороший климат. Но это все уловки для простофиль. Сдается мне, милейший Бессмертник Кощеев надумал под шумок загнать островок японским магам… Буян – лакомый кусочек для многих. В мире нет ни одной школы, которая была бы так удачно расположена. Обычные школы ютятся на замкнутой территории по соседству с лопухоидами, маскируются под пустырь или болото, и даже дракона лишний раз боятся из ангара выпустить.

Тарарах протиснул свои толстые мизинцы в уши и энергично прочистил их, точно сомневаясь, действительно ли он слышит всю эту чушь или всему виной грязь.

– Закрыть школу? А как же ученики? О них что, забыли? – спросил он с недоумением.

Сарданапал подошел к краю стены и, держась рукой за зубец, глянул вниз на цветущий ров.

– Нет, не забыли. Бессмертник никогда ни о чем не забывает. Взамен острова Буяна школе предлагают замечательный участок земли в Заполярье. Чрезвычайно живописное место! Вечная мерзлота. Полгода ночь, полгода день. Возможность круглогодично разводить северных оленей, много мха, ягеля и бонус в виде северного сияния.

– А драконы? А жар-птицы? Они не выносят холода. Единороги же вообще не выдержат переселения. Они очень привязаны к месту своего рождения. Как же это, академик? О чем они там все думают? – растерянно спросил Тарарах.

Сарданапал по-прежнему упорно разглядывал ров.

– Примерно тот же довод привел и я. Но мне было открытым текстом сказано, что не стоит гробить отличную идею мелочными придирками. Жар-птицы – ерунда. Их с удовольствием возьмет любая школа, тот же Магфорд, к примеру. Драконов можно продать, а кого не купят – усыпить, поскольку они будут своим ревом нарушать покой милейших пожилых магов.

Питекантроп распрямился, сжимая кулаки. Его честное лицо побагровело. Встреться с ним в этот миг пещерный лев, он и то задумался бы, а так уж ли он голоден? Стоит ли связываться?

– Так, значит, этот тип, этот мерзавец, этот шут гороховый приезжает, чтобы закрыть Тибидохс и усыпить моих драконов? Я его самого усыплю вот этими самыми руками! – прорычал Тарарах.

– Успокойся, Тарарах! Такими полномочиями он не обладает. Он приезжает, чтобы составить отчет, который будет зачитан комиссии на Лысой Горе. Пока было лишь предварительное заседание в сокращенном составе. Увы, Кощеев подстроил все так, что оно завершилось не в нашу пользу. Мне удалось оспорить его результаты и настоять на экстренном созыве расширенной комиссии. У нас тоже есть кое-какие союзники из светлых магов. Да и не всем

темным нравится, что все стратегические решения принимаются исключительно Кощеевым и его кликой. В общем, шанс есть. Но многое зависит от отчета. Насколько уничтожающим он будет. Поэтому мы должны вести себя крайне корректно, – сказал Сарданапал.

Едва ли питекантроп его слышал. Речь академика была для него слишком длинной и загроможденной непонятными, скользкими словами. Комиссия… заседание… Разве это главное?

– Мои драконы… мои жар-птицы… единороги… алконосты… сфинксы… Сарданапал! Как же это? Мы знаем, что на нас с дерева свалится клоп-вонючка, и не можем его придавить, потому что вони будет втрое больше? – непонимающе сказал Тарарах.

Новая волна гнева захлестнула несложную душу преподавателя ветеринарной магии. Отняв от лица ладони, он посмотрел на академика с укором. Так смотрит собака, которую хозяин незаслуженно ударил.

– Как я смогу нянчиться с этой приезжей дрянью, если каждую секунду буду помнить о моих драконах? – спросил он с болью.

– Не надо, Тарарах! Нянчиться тебе не придется. Он прозорлив, а ты слишком наивен, чтобы здесь была возможна какая-то моральная комбинация. Просто будь сам собой. И проконтролируй джиннов, чтобы они навели порядок в ангарах. Ревизор туда наверняка заглянет, равно как и во все остальные места.

– Ревизор? – повторила Великая Зуби голосом, который насторожил бы любого из ее учеников, но не насторожил академика. Он никогда не прислушивался к Зуби с этой точки зрения.

– Да. И чудовищно придирчивый. Слышали об институте общего и сравнительного чародейства в Екатеринбурге? Одна из первых его ревизий. Директор института покончил с собой, запив толченый алмаз раствором цианида. Профессорский состав в полном составе перевелся в Верхнее Подземье прививать нежить от бешенства, а все младшие научные сотрудники мужского пола добровольцами ушли в магмию. А все почему? Бедняги не смогли объяснить ревизору, куда подевался глобус для точечной телепортации и откуда в журнале посещаемости всплыли два несуществующих студента.

– Вот зверь. И докопался же! – сказал Поклеп с восхищением. Он умел ценить родственные натуры.

– Именно так. Зверь и зануда. Мы должны быть готовы, что он станет совать свой нос во все. Сколько кровавых пятен оставляют призраки на лестнице и соответствует ли это нормативу, почему у Большой Башни ржавый шпиль и как часто меняют памперсы атлантам.

– Сарданапал! Мне не смешно! – укоризненно сказала доцент Горгонова.

– Мне тоже, Меди! Это смех сквозь слезы. Скоро в стенах Тибидохса смеяться будут только поручик Ржевский и его милая женушка. Последняя же, как известно, смеется лишь на похоронах, – заявил академик.

Великая Зуби зябко спрятала руки под пончо. Она мерзла всегда и везде.

– Ревизор… Помнится, Гоголь писал о чем-то подобном. Ты не забыла, Меди, как третьекурсники привезли к нам Пушкина и молодого Гоголя? Мы еще недоумевали, каким образом они протащили их сквозь *Гардарику*. Оказалось, что в желудке дракона… Пушкин написал о Буяне, а Гоголь заинтересовался историей Вени Вия. Не стоило позволять ему так много смотреть зудильник, – вспомнила Зуби.

Высоко над лесом полыхнули семь радуг *Грааль Гардарики*, и тотчас над вершинами деревьев разлилось зарево. Какое-то время оно сохранялось, прежде чем вечер поглотил его, приняв в свои усыпляющие руки.

– Когда прилетает светлый маг – зарево не такое ядовитое. Чаще светло-розовое, – заметил Сарданапал.

Немногие знали о свойстве *Гардарики* отражать суть души вновь прибывшего. Разве что преподаватели. От учеников это обычно скрывали, зная склонность молодости к поспешным суждениям. Фактически жестоким приговорам.

Медузия улыбнулась:

– А-а, ты тоже заметил! А я даже посчитать успела. Восемь!

Поклеп подался вперед.

– Разве восемь, не пять? – спросил он недоверчиво.

– Восемь.

– Ты могла ошибиться. Я почти уверен, что не больше пяти… Ну в крайнем случае шесть! – быстро сказал Поклеп.

– Восемь, уважаемый! Восемь! Сожалею, но я слишком занятый человек, чтобы лелеять ваши скрытые комплексы, – произнесла Медузия сухо.

Она одарила Поклепа своим знаменитым взглядом, который в былые времена превращал древних, но не очень долговечных греков в не менее древний, но более долговечный мрамор. Некоторые из этих бедолаг, обнаруженные археологами, стоят в музеях и считаются античными статуями. Как-то, посетив один из музеев, Медузия с грустью заметила:

– Как нелепо! Вот они тут написали: «Воин с пращой. Автор неизвестен. IV в. до н. э.». На самом деле это спартанец Агесилай, пытавшийся пробить мне голову камнем.

Одернутый Медузией Поклеп мрачно замолчал, с раздражением покосившись на хихикнувшего Тарараха. Разговор Поклепа и Медузии, который кому-то мог показаться странным, на самом деле странным не был. Речь шла о времени после прохода *Гардарики*, пока не погасло зарево. Длительность зарева служила косвенным свидетельством могущества мага. Чем дольше оно сохранялось, тем значительнее были магические возможности прибывшего.

У среднего третьекурсника зарево погасало через секунду, у Тарараха – через две, у Поклепа – через шесть, у Зуби – через семь, у Медузии – через восемь, у Бессмертника Кощеева и Сарданапала – через девять секунд. Больше десяти секунд зарево не держалось вообще. Ни у кого. Десять секунд – было легендарное время Древнира.

Из современных магов никто не мог повторить подобный результат. Только стражи. «Ну разве что еще сюда прибыл бы Мефодий Буслаев, да и то не сейчас, а лет через пяток… Может, и вытянул бы секунд десять», – с сомнением говорили знающие. К ним, однако, не стоило сильно прислушиваться. Среди магов, особенно на Лысой Горе, полно так называемых «знатоков», и они тем осведомленнее, чем скромнее их собственные дарования.

Таким образом, ревизор, проникший сквозь *Гардарику,* был предположительно лишь немногим слабее Сарданапала. Магические силы его равнялись магическим силам Медузии и превосходили – даже с некоторым отрывом – остальных преподавателей Тибидохса.

– Вот он! – сказала Зуби негромко.

Появившись из тучи, к стене скользнула фигура в темном плаще. Лицо скрывал капюшон. Лишь белый, тягостный массив подбородка выделялся меловым пятном. Остальное находилось в тени. Маг летел неторопливо, уверенно, не глядя по сторонам. Так летают обычно люди солидные, которым полет давно перестал доставлять удовольствие и служит лишь средством перемещения. Обледеневший край плаща задирался, приподнимаемый чем-то тонким и длинным. Порой так рисуют бретеров-задир, прячущих под плащами шпагу. Однако Тарарах, хорошо знавший магов, догадывался, что это может быть чем угодно, кроме шпаги. В невоенное время истинный маг относится к шпагам, рапирам, эспадронам, полусаблям и прочим колющим и рубящим с известной долей иронии.

Вслед за Зербаганом, неуклюже вцепившись в дряхлый стул с высокой спинкой и провалившимся сиденьем, летел коротконогий пожилой карлик с желтым пупырчатым носом и красными глазами. Вытянутые уши покрывала седая шерсть – верный признак дальнего (а то и не очень) родства с гномами или нежитью. Другим столь же верным признаком были тре-

угольные пильчатые зубы. На плече карлика висела сумка с бумагами, кренившая его на сторону, точно корабельный якорь. За ухом торчало гусиное перо с желтым магвазинным ярлычком, подтверждавшим, что гусь скончался от птичьего гриппа. Обычные циничные шуточки темных магов.

Время от времени карлик начинал подскакивать и трясти спинку стула. Он ужасно боялся отстать от хозяина.

– А это кто? – спросил Тарарах.

– Не знаю. Впервые вижу. Вероятно, секретарь или телохранитель, – равнодушно ответил Сарданапал.

Тарарах поморщился.

– Телохранитель? *Этот воробей?* Не хотел бы я знать, где сейчас те тела, которые он хранил.

– Да, верно. На телохранителя он не слишком похож. Значит, секретарь, – согласилась с Тарарахом Медузия.

Больше о карлике они не говорили. Его персона явно не заслуживала продолжительного разговора.

Перед тем как опуститься, Зербаган не без ловкости сделал в воздухе резкий поворот и скользнул у стены всего в паре метров от Сарданапала. В сторону академика он, однако, не смотрел, упорно и явно умышленно не замечая его.

– На чем это он летит? Не на помеле? Что под плащиком-то прячем? – с интересом спросил Тарарах. Питекантроп явно нарывался.

Сарданапал озабоченно посмотрел на него.

– Посох. Зербаган крайне редко с ним расстается, – ответил он.

– Посох? Как трогательно! Дело Гэндальфа живет и процветает? – не выдержала Великая Зуби.

– Зуби, спрячь зубки! У тебя глаза светятся! – шепнула ей Медузия.

Это было правдой. Когда Зуби ехидничала, у нее на самом деле начинали светиться глаза. Да еще как светиться! Сияние, дробясь на тонкие лучи, пробивалось наружу точно сквозь огромные сапфиры. На новых учеников Тибидохса это обычно производило впечатление. Некоторых приходилось даже лечить от заикания.

Оглянувшись на Медузию, Зуби поспешно пробурчала заклинание, спеша затемнить очки.

– Так лучше? Не заметно? – спросила она.

– Да уж, не заметно… Доброжелательнее надо быть, мамочка. Оставь пронзительные взоры василискам и… мне! – с улыбкой отвечала Медузия.

– Это не от ехидства, Меди. Совсем нет. Просто меня дико раздражает, когда какой-то надутый фрукт притаскивается и… – начала Зуби, но тотчас, спохватившись, замолкла и изобразила если не приветливую, то вполне нейтральную улыбку.

И в самое время. Опираясь на посох, к ним неторопливо приближался плотный невысокий человек. Свой обледеневший плащ он уже сбросил, ничуть не заботясь о его дальнейшей судьбе. Кривоватые мощные ноги гостя походили на дубовые корни. Казалось, он не идет по стене, а врастает в нее, столь властной была его походка. Массивная голова сидела на толстой негнущейся шее несколько наискось и так низко, что невольно приходила на ум мысль об огромной руке, некогда вдавившей его голову в плечи. Когда нужно было повернуться, маг делал это всем телом.

Руки были под стать ногам – короткие и мощные. Пальцы завершались желтыми ногтями, выпуклыми, как черепаший панцирь. Мизинец и безымянный палец на каждой руке срослись до средней фаланги и, объединенные перепонкой, могли двигаться только вместе. Это (как и у его карлика, кстати) был верный признак дальнего родства с нежитью, родства древнего,

жуткого, но все же возможного. Подчеркивалось это и странной поволокой выпуклых немигающих глаз, лишенных век. Зрачок в глазах был так широк и малоподвижен, что нельзя было угадать, на кого конкретно он устремлен, и оттого всякому непривычному собеседнику становилось страшно.

На среднем пальце его правой руки Медузия увидела массивный перстень. В отличие от большинства магических колец перстень ревизора был необычной формы и, видимо, предполагал камень или какое-то иное украшение. Однако камень почему-то отсутствовал. Без него перстень казался щербатым и неполно-увечным. Медузию, которая во всем любила завершенность и систему, это неприятно встревожило.

Ревизор подошел и остановился рядом с Сарданапалом.

«Похож на бульдога и одновременно на жабу!» – подумал Тарарах.

Он заметил верно. Одутловатые щеки ревизора провисали, как у бульдога, а рот казался длинным, жабьим. Покрасневшая, в мелких прожилках кожа была медного цвета с отдельными красными точками. Медузия безошибочно определила, что некогда эту кожу опалил жар Тартара. Никакое солнце не способно оставить такие следы.

– Добрый вечер, Сарданапал! Надеюсь, вам не пришлось долго меня ждать? – произнес маг негромким стершимся голосом.

– Добрый вечер, Зербаган! Ничего страшного. Посмотреть закат со стены Тибидохса – удовольствие. Обычно мы забываем, как прекрасно небо над Буяном в этот час, – спокойно отвечал Сарданапал.

Белесые, выгоревшие в жаре Тартара брови брезгливо приподнялись.

– Вы любитель закатов, Сарданапал? Тогда вам понравится и северное сияние. В том месте, которое выбрали для школы мы с Бессмертником, его можно наблюдать довольно часто. Суровая красота первобытных равнин, знаете ли. Внизу замерзшее болото, а над головой все так и сияет, так и сияет…

Правый ус Сарданапала рванулся к Зербагану, намереваясь щелкнуть его по носу, но немного не достал. Академик тактично сделал вид, что ничего не произошло.

– Мне случалось бывать в тех краях летом. Меня раздражают тучи гнуса, который лезет в уши, в ноздри, в глаза, – сказал он.

– О, вы и это знаете? Ну, гнус можно и уничтожить. Существуют отличные заклинания. В конце концов, можно сотворить защитный купол.

– С таким же успехом можно сотворить среди океана и новый остров, – в тон ему отвечал Сарданапал.

Ревизор с ускользающим и где-то ехидно-сочувствующим видом пожал плечами, точно чиновник, который готовится произнести: «Мне вас жаль, но решения принимаю не я».

– Что я вижу, академик, вы как будто раздражены? Не согласны с выводами предварительной комиссии? Неужели вы считаете, что почтенные Тиштря, Графин Калиостров и Бессмертник Кощеев не заботятся о детях? Да будет вам известно: дети самое дорогое, что у нас есть!

– После навоза на полях!.. Почему бы не собрать всех детей разом и не продать на колбасу? – пробурчал Тарарах, забывая о своем обещании держать себя в руках.

Едва он договорил, снизу послышался странный, крайне неприятный звук. Будто плохо закрепленное стекло задребезжало в раме. Все, не исключая Зербагана, стали с недоумением озираться, пока не поняли, что это хихикает карлик, секретарь ревизора. Увидев, что все на него уставились, секретарь смутился, ссутулился, скособочился еще больше и зажал рот ладонью. Сарданапалу стало грустно. Он подумал, что это существо не просто впало в ничтожество, но стало живой иллюстрацией самого слова «ничтожество».

– Это Бобес, мой секретарь. У него странное чувство юмора. Он начинает смеяться, когда слышит что-то грустное. Бобес, постарайтесь, чтобы мы больше о вас не вспоминали! – процедил Зербаган, отворачиваясь.

Карлик торопливо закивал, хотя хозяин явно не мог уже это увидеть.

– Я не слышал ответа. Так почему бы не продать всех детей на колбасу? – с вызовом повторил Тарарах, обращаясь к Зербагану.

Ревизор всем корпусом повернулся к питекантропу и посмотрел на него в упор. Тарарах приготовился бесстрашно выдержать его взгляд. Однако это был даже не взгляд в полном смысле этого слова. Картонная пустота глаз Зербагана просто плевала ему в душу.

– У вас, господин кроманьонец, нездоровые и опасные фантазии! Особенно для педагога. Боюсь, что я вынужден буду отметить это в отчете!.. А теперь не представите ли вы меня вашим подчиненным, Сарданапал? – сказал маг, впервые соблаговолив заметить остальных преподавателей.

Слово «подчиненным» он выделил голосом, точно указывал каждому его место.

– Почему бы не назвать нас сразу «рабами»? – продолжал кипеть Тарарах.

Маг пропустил эти слова мимо ушей. Медузия взяла себе на заметку, что тактика ревизора – упорно не слышать того, чего ему слышать не хочется.

– Конечно, представлю, – сказал Сарданапал, спеша сгладить неловкость. – Друзья, это Зербаган! Маг пятого уровня, глава контрольно-ревизионного совета и много еще кто… Зербаган, это Медузия, Поклеп Поклепыч, Тарарах, Великая Зуби! Еще у нас есть Безглазый Ужас, Соловей О. Разбойник, джинн Абдулла и Готфрид Бульонский, но, признаться, они сейчас заняты. Соловей тренирует команду. Готфрид гоняет в подвалах нежить.

Ревизор укоризненно качнул набалдашником посоха, и Сарданапал пожалел, что упомянул об этом.

– В подвалах Тибидохса нежить? Что я слышу? До сих пор?

– Подумаешь! На Буяне всегда было полно нежити. И ничего. Никто пока не умер, – неосторожно брякнул Тарарах.

– Вот именно, дорогой мой Растатах! Прекрасное уточнение: пока! Нежить может погрызть детей! Такие случаи не раз бывали в истории, – нравоучительно сказал Зербаган.

– Вы имеете в виду тех детей, которые наша главная ценность, или каких-то других, о которых я не знаю? – ехидно уточнила Великая Зуби.

– Именно, Мелкая Груби, именно! – подтвердил Зербаган. Он произносил слова медленно и отчетливо, точно по одной ронял на ладонь монетки милостыни.

– Чтобы отгонять нежить, у нас существует Готфрид. Нежить боится его немногим меньше, чем Медузии, – сказала Зуби.

– Спящий Красавец? Хе-хе, зарекомендовавшая себя личность, нечего сказать! Кроме того, если я правильно понимаю, он ваш муж. Не так ли? – с осведомленным прищуром спросил Зербаган.

Зуби задохнулась от негодования и, испытывая потребность излить на кого-то свое негодование, шуганула *Дрыгусом-брыгусом* поручика Ржевского. Поручик, подкрадывающийся к Зербагану со столовым ножиком в зубах, обиженно вскрикнул и растаял в лиловом дыму, чтобы вернуться пятью минутами позже в ужасном настроении.

– Так нечестно! Зубодериха не дала мне его напугать! Гарантирую, он умер бы от ужаса! – пожаловался он Недолеченной Даме.

Супруга холодно воззрилась на него.

– Она спасла тебя, Вольдемар! *Дрыгус* не самое худшее заклинание из возможных. По слухам, есть магия, которая рассеивает призраков без возможности восстановления, – сказала она.

Поручик встревожился:

– В самом деле спасла? Э-э… Тогда я ее прощаю!

– А я – не прощаю, – заявила Недолеченная Дама. – Подумать только, я могла бы овдоветь! Какой шанс накрылся медным тазом! Ты не представляешь, как заманчиво быть вдовой! Стоишь под черной вуалью, вся такая несчастная, томная, и вспоминаешь, не забыла ли завесить зеркала. А все тебя жалеют, вытирают тебе слезы и говорят, каким замечательным человеком был твой муж.

– Это только в первой части поминок. Во второй все ссорятся, обнимаются и падают в салат. И вообще многим начинает казаться, что они пришли в гости, – неосторожно сказал Ржевский.

– И ты говоришь об этом мне? Да я до тебя была вдовой четыре раза!.. Или больше? Впрочем, это совсем не важно. Тебя я пока не считаю, – произнесла Недолеченная Дама.

– Пока? – недоуменно переспросил поручик и посмотрел на жену безо всякого восторга.

Тем временем Зербаган закончил свою беседу с преподавателями Тибидохса.

«Грамотно он указывает нам наше место… Это маг, сделавший себе из хамства карьеру. Любопытный типаж! Значит, чтобы преуспевать, необязательно казаться симпатягой», – мрачно думала Медузия, не трудясь экранировать свои мысли.

Ей ясно было, что от Зербагана не следует ждать снисхождения. В том, что отчет его будет отрицательным, сомневаться не приходилось. Бессмертник Кощеев отлично знал, кого и зачем он посылает.

Зербаган грузно повернулся к Медузии. Края его жабьего рта поднялись в подобии улыбки. Выцветшие картонные глаза встретились с пылающими глазами доцента Горгоновой.

– Мне хотелось бы отдохнуть с дороги, чтобы завтра с утра приступить к проверке. Никто не хочет проводить меня в комнату и помочь донести вещи?

Зербаган кивнул на небольшой кожаный чемодан, который минуту или две назад сам собой возник рядом с его ногой. «Адресная телепортация. И какая невероятная точность! Он сильный маг, спору нет», – оценила Медузия.

– Может быть, вы… э-э… драгоценный Ахахах, поможете? Я бы вас попросил поработать немного носильщиком! – нагло потребовал ревизор.

Тарарах демонстративно повернулся к Зербагану спиной. Преподаватели замялись.

– Я вас провожу, если позволите… – откашлявшись, предложил Поклеп Поклепыч.

Он стоял, вытянувшись, как старый служака, и, прижав руки к бедрам, верноподданнически поедал Зербагана глазами. Заметно было, что суровый тибидохский завуч ощущает в посланце несомненное начальство.

«Странный этот Поклеп! Всегда замечала: чем с ним хуже – тем он лучше. А начнешь говорить по-хорошему, сразу хамеет. На что он, интересно, надеется? Что Сарданапала турнут, а сам он станет директором школы в Заполярье?» – подумала Медузия, но тотчас отогнала эту мысль.

«Нет, Поклеп слишком верен Сарданапалу. Если он и старается поладить с Зербаганом, то лишь для того, чтобы спасти школу», – решила доцент Горгонова. На этот раз она была осторожнее и экранировала мысли прилипчивой песенкой: «Пошла Варя во лесок, нашла Варя лопушок».

Видя, что других желающих идти с ним не наблюдается, Зербаган заверил Поклепа, что будет ему крайне признателен за помощь. Свои слова ревизор сопроводил подобием улыбки. Одеревеневший мертвяк, которого бьют током, и тот улыбнулся бы приветливее.

Схватив чемодан, Поклеп, желая угодить гостю, протянул руку за его посохом. Венчавший посох мраморный шар предостерегающе полыхнул. Лицо Зербагана перекосилось. С неожиданной резвостью он отскочил и толкнул Поклепа в грудь, мешая ему коснуться посоха.

– *Это я прекрасно донесу сам*! Бобес, за мной! – сказал он со злобой и быстро направился к галерее, которая соединяла стену с Башней.

Карлик-секретарь, наблюдавший за историей с посохом с липкой усмешечкой, спохватился и с собачьей преданностью кинулся за хозяином. Стараясь поместиться с ним рядом на узкой стене с зубцами, он вынужден был скакать боком, размахивая руками, как птица крыльями.

– Дрянь, а не человек! Бывают же такие, – процедил Тарарах сквозь зубы.

Сложно было сказать, кого он имеет в виду – секретаря или его хозяина. Оба подходили под это определение.

Поклеп, удивленно пожимая плечами, засеменил за Зербаганом. Чемодан, оказавшийся довольно тяжелым, колотил его по коленям. Преподаватели проводили их растерянными взглядами.

– Сарданапал, вы заметили, как наш гость всполошился? Даже испугался? – негромко спросила Великая Зуби, когда те скрылись внутри галереи.

– Да.

– Он едва не ударил Поклепа! А ведь тот только хотел взять его посох!

– И это я заметил.

– Но что особенного в его посохе? Возможно, это сильный артефакт?

Помедлив, академик покачал головой.

– Не исключено. Хотя по мощи это явно не посох волхвов и даже не его воплощение. Но меня больше занимает перстень Зербагана. Почему там нет камня? – заметил он задумчиво.

– И все же Зербаган испугался, когда Поклеп протянул руку к посоху! – настаивала Зуби.

Сарданапал невозмутимо взглянул на нее.

– Возможно. У всех есть свои тараканы и свои скелеты в шкафу. Уважение к чужим тайнам – непременное условие сохранения собственных, – сказал он.

Зуби недоверчиво заморгала. Толстые стекла очков увеличивали ее грозные глаза с тяжелыми веками. Случись рядом сова, она застрелилась бы от зависти.

– Сарданапал! Я не верю своим ушам! Вы собираетесь с ним церемониться? *С этим*? – воскликнула она.

Академик покачал головой.

– Я не намерен лезть в его тайны. Вражда обязана быть великодушной хотя бы потому, что от дружбы великодушия редко когда дождешься. Никто не царапает тебя так больно, как друг. Хотя сам же потом прибежит замазывать зеленкой.

– Чушь! Я не верю в ненависть в белых перчатках. Если уж ненавидеть… так ненавидеть! Чтоб клочья летели! – сказала Зуби с негодованием.

– Видишь, Зуби, какие мы с тобой разные. А я вот вообще не верю в продуктивность такого чувства, как ненависть, – отвечал Сарданапал.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса достал золотой зажим и аккуратно закрепил им свои бунтующие усы. Усам не терпелось разобраться с медлительной, но сильной бородой, которая мирно дремала, обвив академику шею.

Зубодериха фыркнула. Ее глаза под выпуклыми стеклами сердито блеснули. Маленькая дамочка в пончо похожа была в этот миг на задиристого воробья.

Сарданапал примирительно коснулся ее локтя.

– Зуби, я вижу, что не убедил тебя. Это извечный спор темных и светлых магов. Каждой стороне есть что положить на весы… Однако мне всю ночь работать. Книги отчетности Тибидохса в кошмарном, запущенном состоянии.

– Правда? – не поверила Зуби.

Сарданапал задумчиво посмотрел на щеголевато загнутый край своей туфли. В персидском и мидийском царствах туфли носили именно такие, и глава Тибидохса был почему-то уверен, что рано или поздно мода вернется. Мода – это бегающий по комнате контуженный

псих. Догнать его невозможно, но если спокойно стоять на месте, то рано или поздно он сам на тебя налетит.

– Видишь ли, Зуби, обычно я полагался на заговоренное перо. Оно само вело все книги. Но сейчас мне кажется, что лучше все перепроверить. Меди… простите… доцент Горгонова, вы не откажетесь помочь? – попросил академик.

– Доцент Горгонова не откажется! И не вижу, что здесь смешного? – холодно сказала Медузия, заметив, что губы у Зуби вытянулись в язвительную ниточку.

Когда остальные преподаватели разошлись, академик и Медузия долго молчали. Без слов они порой понимали друг друга лучше, чем со словами. Слова, если разобраться, прыгающие мячики в руках у жонглера. В общении людей действительно близких слова скорее затуманивают смысл, чем помогают что-то прояснить.

– Ты ведь знал Зербагана прежде? – спросила наконец Меди.

В мире нет ничего моложе старой любви. В присутствии других преподавателей Медузия старалась называть Сарданапала на «вы». Сейчас, однако, такая необходимость отпала.

– Да, знал. Видел его за заседании предварительной комиссии, когда летал на Лысую Гору, – подтвердил академик.

– Это было недавно. А до того? Вспомни!

– Зербаган не из тех, кто любит общество. Я тоже, как ты знаешь, кабинетный червь. Хотя лет двести назад, кажется, мы встречались в Магществе… Совсем мельком встречались, на уровне: «Вась-вась! Очень приятно! А я вообще-то уже ухожу!»

– И он уже тогда был с посохом?

– Кажется, да… Он всегда с посохом. Точно… он пожимал мне руку, а в другой у него был посох, – рассеянно сказал академик.

По волнообразному колебанию его бороды заметно было, что Сарданапал думает уже о чем-то ином.

– Перстень… он и тогда уже был без камня, – вспомнил вдруг он.

Глава 2
Контрабас прибывает по расписанию

Когда человек достигает своего потолка, он ударяется об него и падает вниз.
Печальная истина

Когда кто-то постучал в стекло, первой мыслью Тани было, что прилетел купидончик. Не отрываясь от конспектов, она привычно зачерпнула полную горсть печенья и дернула раму, собираясь произвести обмен. Ее оглушил страшный рев. За окном на новом громадном пылесосе, похожем на широкое хромированное ведро, восседал Баб-Ягун. Мощная, едва ли не в ногу толщиной, труба пылесоса была направлена вниз.

– Тук-тук! К вам можно? Это я, почтальон, привез кости на бульон! – воскликнул он жизнерадостно.

– Привет, Ягун! – сказала Таня.

Играющий комментатор наклонил голову и проницательно посмотрел на нее.

– И это все, чего я удостоился? Жалкого формального привета? Картина Репина «Не ждали»? – поинтересовался он не без ехидства.

– Я готовлюсь к экзамену!

– А, ну да! Экзамен у тебя как состояние души или как вечный насморк. У всех бывает, но не у всех проходит!.. Некоторые люди вечно ходят с салфеточками, сморкаются в них, а потом забывают где попало, как Попугаева.

– При чем здесь я?

– Да ни при чем. Не перестанешь ботанеть, станешь Шурасиком в юбке.

– Хорошего же ты обо мне мнения! И вообще: мне нравится Шурасик! – с обидой сказала Таня.

Ягун как обычно не полез за словом в карман.

– И мне, вообрази, Шурасик нравится! Но одно дело нравиться, а совсем другое быть похожим. Вот мне слон, к примеру, нравится. Разве из этого следует, что я мечтаю быть похожим на слона?

Шар сам подставился, чтобы влететь в лузу.

– Ты и так на слона похож! – сказала Таня, протягивая между Ягуном и слоном связующую нить.

Уши у Ягуна торчали так же, как в детстве, и так же рубиново пунцовели, когда сквозь них просвечивало солнце. Как в тот первый день в квартире дяди Германа, когда Таня ощущала себя самым несчастным человеком в мире… День, когда начались чудеса!

– Да, уши у меня козырные! Завидуешь – так и скажи! А что у нас тут? Приблудившиеся калории? Подкормка для сирот с крылышками?.. Нет-нет, не убирай! Оставлю себе на черный день! – засуетился Ягун.

Вскинув трубу, он ловко впылесосил с Таниной ладони печенье. Тетради белыми растрепанными птицами вспорхнули со стола и отправились в нутро пылесоса вслед за покрывалом с кровати.

Это был уже явный перебор. Труба забилась, и, силясь проглотить ком, пылесос стал сипеть и кашлять, как подавившаяся лошадь.

– Это тоже на черный день? – хмуро спросила Таня.

Ягун замотал головой:

– Я не виноват! Он сам зацапал! Я его нравственно порицаю! Нет, ну каков у меня пылесосище! Просто зверь, да? Летаю и словно уже в рай попал! Спецзаказ магробополитена! Представляешь, сколько в нем ватт?

– Так там еще и вата? Жуть какая! – легкомысленно сказала Таня.

Что ни говори, а магическое образование имеет свои пробелы. Ягун выключил пылесос, который и без того уже почти заглох, и, втаскивая его за собой, через окно влез в комнату. Большое зеркало, висевшее в углу, немедленно поймало его отражение и, забавляясь, принялось вертеть, переодевая в самые невероятные костюмы. Вот Ягун в белом врачебном халате со стетоскопом на шее, вот в кожаной куртке из драконьей кожи с красным пиратским платком на голове, вот в строгом костюме в стиле «а шли бы вы со своим прайсом», а вот и в набедренной повязке племени мумба-юмба…

– Ишь ты! А в форме пожарника слабо? – заинтересовался Ягун и тотчас получил желаемое. Из зеркала на Ягуна уставился щекастый восемнадцатилетний лоботряс в пожарной форме.

– Прикольное зеркало! Где украла? – спросил Ягун.

– Тетя Нинель выписала на Лысой Горе и прислала Пипе.

– Ясно. А Пипенция испугалась, что зеркало при посторонних покажет ее в купальнике, и передарила тебе? Вот они – истинные мотивы великодушия! – понимающе заявил Ягун.

Таня улыбнулась. Последние полгода она боролась с собой и старалась не говорить ни о ком плохо. Но не говорить самой и слушать – это разные вещи.

– Пипа и правда немножко располнела, – признала она осторожно.

– Вот и я говорю! Еще половина этого «немножко», и в Тибидохсе придется усиливать лестницы, – кивнул Ягун. – А теперь момент! Ич! Ни! Сан!

Он поочередно отщелкнул все три зажима и, сняв с пылесоса крышку, извлек из мусоросборника конспекты и покрывало. Конспекты Таня сразу схватила, а покрывало так провоняло русалочьей чешуей, что пришлось испепелить его боевой иск-рой. Никаких иных способов спастись от назойливой вони не существовало.

– Знаешь, за что я тебя люблю? За то, что ты выше быта! – заискивающе сказал Ягун.

Таня мрачно подула на раскалившийся перстень. В комнате настойчиво пахло болотом.

– Кто тебе сказал, что я его выше? – спросила Таня с сомнением. Только что она в очередной раз убедилась, что дружить с Ягуном нелегкий труд.

– Ты должна быть выше! Человек, способный перегрызть глотку ближнему своему из-за покрывала, не достоин носить высокое имя «Татьяна», – коварно сказал Ягун и добавил: – Кстати, я ведь к тебе по делу.

– По какому делу?

– Ты в курсе, что через две недели – год, как мы закончили Тибидохс?

Таня была в курсе.

– Ага… Народ разлетелся кто куда. В магспирантуре мало кто остался. Кое-кто пишет, но многие пропали с концами.

Таня повернулась и посмотрела на кровать Склеповой, пустовавшую с тех пор, как одиннадцать месяцев назад Гробыня покинула Тибидохс. Рядом одиноко поскрипывал скелет Дырь Тонианно. Изредка по его руке от плеча и до запястья пробегала волна. Ржавая шпага звякала. Дырь Тонианно тосковал. Будь он человек, о нем сказали бы, что он похудел и осунулся. Однако скелет осунуться не мог, и в этом было его преимущество, хотя и грустное. Пипа, не закончившая еще учиться, так как она поступила в школу позже, переехала в освободившуюся комнату Верки Попугаевой, и Таня смогла вкусить все удобства отдельного проживания. Правда, удобства эти были скорее надуманные, поскольку Тане нередко бывало скучновато. Лучше уж Пипа, чем совсем никого.

– А давай соберем народ снова! На годовщину выпуска! Сарданапал и Медузия не против, – радостно сообщил Ягун. Он явно собирался сделать это как-то более торжественно, но не удержался и выпалил сразу.

– Ты что, серьезно? Преподы разрешили? – усомнилась Таня.

Играющий комментатор с негодованием выпрямился.

– Серьезно? Я? Терпеть не могу это слово! От него веет жутким занудством!

– Так они разрешили?

Ягун хитро прищурился.

– Как тебе сказать? Что такое, в сущности, вечер встречи? Слетелись люди на пять-шесть часиков. Вспомнили прошлое, потрепались, выпили тайком бутылочку амброзии, посмотрели друг другу в ясные очи, обменялись номерами зудильников, по которым никто никогда не будет звонить, и все – пора разлетаться… Нетушки! Мне этого мало. За такой короткий срок я не успею эмоционально прочухаться.

– И что? – нетерпеливо спросила Таня.

– А то, что я выпросил у преподов **ТРИ ДНЯ**! – радостно завопил Ягун. – А то и больше чем три, понимаешь? Как карта ляжет! Поклеп разворчался, что не сможет найти столько свободных комнат, но тогда бабуся – хех! – сказала, что положит всех, кому не достанется мест, в магпункт, и ему пришлось заткнуть фонтан аккуратно свернутой тряпочкой… Комнаты – ха! Я вообще не верю, что кто-то будет спать эти три дня. В мире существует столько взбадривающих заклинаний!

Таня уставилась на Ягуна с радостным недоверием.

– Три дня? И Медузия с Зуби не против?

Ягун замялся. Пижонство в нем боролось с фактами.

– Они согласились на удивление быстро. Их даже не пришлось колотить головой о колонны…

– Ягун! Ты лжешь как сивый… как симпатичная старая лошадка некогда мужского пола, – воскликнула Таня.

– Ну хорошо! Я попросил бабусю. Бабуся – Соловья, Соловей – Зуби, та – Медузию, и они обе уломали Сарданапала… Ну не Тарарах же будет палки в колеса ставить? Даже Поклеп скрипел значительно меньше, чем можно было ожидать. Реально против только Безглазый Ужас, но, поскольку он призрак, к его мнению никто всерьез не прислушивается.

– А он против?

– Не то слово. Рвет и мечет. Швырнул в Сарданапала свою голову. Так и ушел без нее, натыкаясь на стены!

Таня поморщилась. Ужас всегда любил хорошо отрежиссированные, постановочные истерики. Чего стоила одна его привычка раз в месяц, строго по расписанию, звенеть кандалами и, завывая, шататься по подвалу, пугая нервных первокурсников?

– Странный он какой-то. Ему-то какое дело? – спросила она.

– Обычная история. С призраками вечно что-то не так. Пророчествует, что все скверно закончится, что мы не знаем историю Тибидохса и прочая чушь в том же духе, – отмахнулся Ягун, но тотчас, вспомнив о чем-то, приуныл.

– Правда, может, скоро и Тибидохса никакого не будет, – добавил он грустно.

– Как это? – встревожилась Таня.

Ягун огляделся и, убедившись, что никого нет рядом, поманил ее к себе.

– Ты умеешь хранить секреты? Тогда слухай сюды!.. Ой, блин! Я же поклялся мамочке моей бабусе *Разрази громусом*, что не скажу об этом ни одной живой душе! Что будем делать? Убивать тебя вроде жалко.

– Живой душе? – невинно переспросила Таня.

Таня и Ягун обменялись многозначительными взглядами, после чего Таня показала пальцем на стул. Плох тот магспирант, который не знает, как обойти *Разрази громус*. Магия такого рода действует прямолинейно и растолковывает все буквально, что очень располагает к казуистике.

Ягун хмыкнул:

– Думаешь? А вдруг это не стул, а какой-нибудь заколдованный *прынц*? Типа: «Мама, не превращай меня в мебель! Я буду есть манную кашу!» Не жалеешь ты меня, Танька!.. Ну да ладно!.. Рискнем старостью лет!

Внук Ягге подошел к стулу, нежно похлопал его по спинке, смахнул с сиденья пару пылинок и, усевшись рядом со стулом спиной к Тане, вкрадчиво сказал:

– Стул, а стул! Тут такое дело… разговор есть! Слушать будешь?

Стул, понятное дело, промолчал. Он был сдержанный парень.

– Так вот, стул, какое дело! К нам, брат мой стул, в Тибидохс вчера вечером приперся проверяльщик с Лысой Горы. Мрачный тип по имени Зербаган. Ходит по школе со здоровенным таким посохом, который заканчивается каменным шаром, и сует свой нос во все дыры, куда нос может теоретически пролезть.

– А что хочет проверяльщик? – спросила Таня.

Ягун благоразумно промолчал. По сценарию он вообще не должен был догадываться о присутствии в комнате Тани. Все-таки *Разрази громус* – клятва смертельная, и забывать об этом не стоило.

– Стул, а стул! А что… э-э… что едят на завтрак хмыри? – поправилась Таня. Вопрос про проверяльщика был уже задан, и теперь требовалось немного запудрить заклинанию мозги.

– Хмыри, дорогой стул, едят на завтрак разное! Особенно уважают тухлятину!.. – вновь заговорил Ягун. – А еще, брат мой стул, Зербаган хочет добиться, чтобы Тибидохс перенесли с Буяна на север, где мошкара и вечная мерзлота. Туда, где не могут жить драконы, перемрут единороги, погаснут жар-птицы и где нежить шныряет, даже не скрываясь. А наш замечательный остров Буян, этот царственный рай, на котором ты, стул, вырос и был взлелеян с младой полировки, загонят тому, кто даст за него больше презренных зеленых мозолей. Ты удручен, брат стул? Я вижу, ты рыдаешь и пыль уныния садится на твою многострадальную спинку!

Таня подумала, что Ягун неисправим. Он и здесь не может обойтись без аффектации и преувеличений. Даже в глубокой старости, умирая, он, вероятно, обратится к своим наследникам с прочувствованной речью в стиле: «Дети и внуки мои! Вытрите глаза и носы! Возликуйте, что вы наконец сумеете пожить немного для себя! Ваш дедушка, ваш господин, ваш царь, ваш раб, уходит в мир иной!»

– Слушай, стул… – сказала Таня. – Если все так скверно, то почему Сарданапал согласился на встречу выпускников? У него же и так по горло проблем? А тут еще мы чего-нибудь учудим.

Ягун поскреб пальцами шею.

– Ах, стул, деревянный брат мой! Как замечательно, что никто нас не слышит и ничего не может вякнуть! Потому что если бы кто-то что-то вякнул, я ответил бы, что Сарданапал, этот великий человек, чья борода так длинна, а ум фундаментален, любит своих учеников и никогда ни в чем им не откажет. Шмыг-шмыг, стул! Я рыдаю и бьюсь головой о твою жесткую ножку! А теперь, стул, я заканчиваю нашу с тобой приватную беседу. Знай, что ни одной живой душе я не выдам тайны, защищенной *Разрази громусом*! И эту жуткую клятву взяла с меня, стул, заметь, родная бабуся, которая наотрез отказалась верить, что я вообще умею хранить секреты!

С этими словами Ягун решительно встал и, мигом утратив интерес к своему деревянному брату, взгромоздил на его сиденье свой тяжелый военный ботинок. Ягун ценил высокие ботинки. Они позволяли не только хорошо пинаться, но и колотить пятками заупрямившийся

пылесос. Похожие ботинки ценила и его девушка Катя Лоткова, правда, в отличие от Ягуна, ее обувная армия была разнообразнее, и, кроме тяжелых ботиночных танков и прочей сапожной артиллерии, насчитывала и легкие кавалерийские соединения туфель, босоножек и прочей кокетливой рати.

Полюбовавшись на свой ботинок, Ягун точно по струнам провел пальцами по шнуркам, поцокал языком и лишь после этого соблаговолил вспомнить о Тане.

– О, ты уже тут! Давно пришла?

– Час назад, – с иронией сказала Таня.

– Тшш! Ты что, перегрелась? – испугался Ягун. – Ладно, неважно… Смотри, что у меня есть!

Он сунул руку во внутренний карман драконбольного комбинезона и, порывшись, извлек толстую пачку приглашений. На обложке светилась, мигала вечерними огнями Большая Башня Тибидохса. У башни с дубиной в руках ошивался циклоп Пельменник, на лице которого было написано желание испортить всем праздник. Заметив, что на него смотрят, циклоп завозился, как паук. Единственный его глаз, выпученный, в багровых прожилках, заворочался в орбите. Ягун и Таня поспешно выставили блоки, скрестив указательный и средний палец. Не заблокировался только скелет Дырь Тонианно. Бедолага отлетел к стене и врезался в нее, как человек, в которого выпалили из дробовика.

– А этот откуда взялся? Вчера его не было! – хмуро сказал Ягун. Он попытался ногтем сощелкнуть Пельменника с обложки, однако тот только ухмыльнулся и никуда не исчез.

– А нельзя было купить приглашения без Пельменника? – поинтересовалась Таня.

Ягун смутился.

– Купить? Что я могу купить, когда я всем вокруг должен за пылесос? Джинн Абдулла дал мне их совершенно бесплатно.

Таня понимающе хмыкнула. Подарок Абдуллы! В сущности, больше ни о чем можно было не упоминать. Она перевернула верхнюю открытку и прочитала:

> *«Вера Попугаева!*
>
> *Двадцать третьего июня сего года в Зале Двух Стихий школы магии Тибидохс (о. Буян) имеет место быть встреча выпускников, которая продлится до утра двадцать шестого. Искреннее надеемся, что Вы сумеете найти время и прилететь.*
>
> *Грааль Гардарика будет разблокирована для Вашего кольца на весь указанный период.*
>
> *С уважением, Ваш Сарданапал Черноморов, глава Тибидохса, лауреат премии Волшебных Подтяжек, академик».*

– Как-то очень уж торжественно! Что, действительно академик писал? – усомнилась Таня, поочередно просматривая еще несколько открыток. Все совпадали слово в слово, за исключением, разумеется, обращения.

Ягун замотал головой так энергично, что, казалось, еще немного – и уши захлопают его по щекам.

– Не-а. Издеваешься, что ли? Сардик только подписывал. А писала моя бабуся. Мне самому было влом, и я провел с ней агитационную работу.

– «Имеет место быть» – это Ягге придумала?

– Ага. Я предлагал написать «состоится», но бабуся была против. Она убеждена, что в «имеет место быть» присутствует старомодная надежность… В ее времена именно так и писали. В общем, я не стал спорить, когда сообразил, что есть на кого спихнуть заполнение билетов, – заметил Ягун.

Таня кивнула. Почерк был круглый, ровный, каллиграфический. Очень непохожий на обычные каракули играющего комментатора.

– А теперь самое ответственное! – с зашкаливающей бодростью продолжал Ягун. – Надо пригласительные доставить адресатам. Не стоит доверять купидонам. Эти пройдохи все напутают. Облопаются пирожными, выпьют слишком много воды с газом и будут палить в лопухоидов из лука. Думаешь, откуда берутся скоропалительные браки?

– Думаешь, из-за газированной воды?

– Ну уж не знаю… Вслушайся: «палить из лука», «скоропалительные» – какая-то общая идея определенно прослеживается… Опять же точный адрес многих неизвестен, а раз так – придется пораскинуть мозгами, которых у купидонов нет. В общем, я сказал Сарданапалу, что пригласительные развезем мы с тобой. Половину ты, половину я…

И, не дожидаясь Таниного согласия, Ягун принялся раскладывать приглашения на две кучки. Таня посмотрела на Ягуна, и ей почудилось, что кое-кому не терпится поскорее объездить новенький пылесос.

– Тэк-с… – бормотал лопоухий комментатор, раскидывая билеты со стремительностью карточного шулера. – Тебе – Гробыня с Гломовым, мне – Горьянов… Ой, мамочка моя бабуся, как не повезло-то! Тебе – Тузиков, мне – Попугаева. Тебе – Жикин, мне – Семь-Пень-Дыр. Тебе – Шито-Крыто, мне – Пупсикова. Тебе – Ванька, мне – Зализина… А раз Зализина, то до кучи и Бейбарсов. Все равно они вместе… Еще есть Свеколт и Аббатикова, но им, я думаю, можно и с купидонами послать… Блин, ну и кривой же сегодня день!.. Тань, а Тань, давай стопками меняться!

– Ну уж нет! Чтобы я к Зализиной летела? Хватит с меня, что Жикину нести надо, – отказалась Таня.

Ягун вздохнул.

– Ну так и быть! Уломала! Тогда держи до кучи Шурасика. Он, к слову сказать, в Магфорде, у своего прохфессора кислых щей. Выцарапывай его оттуда!

Таню это не вдохновило.

– Не хочу в Магфорд… С меня хватило драконбольной практики с сентября по ноябрь. Может, сам смотаешься? – предложила она.

– «Драконбольной»… смотри как звучит! Все равно как «дракон больной»! Первый раз прочухал, а ведь, кажись, не первый раз слышу!.. – удивленно сказал Ягун.

– Ягун! Не прикидывайся глухим! Слетай в Магфорд, а?

– Ну уж нет. Ты соображаешь, сколько моя пылесосина чешуи жрет? До Магфорда на одной заправке мне не дотянуть. Лети лучше на своем контрабасе. Он у тебя бесплатный! – открутился хитрый Ягун.

– Ягун, не ворчи!

– Я не ворчу! Я скриплю, качаю права и негодую. Ну все, пока! Встречаемся завтра утром! Над океаном летим вместе, а там разделимся. Лады?

Зажав в зубах свою порцию приглашений, играющий комментатор ловко оседлал пылесос и, пробормотав *Торопыгус угорелус,* вылетел в окно. К запаху болота примешался запах перхоти барабашек и крысиной шерсти пополам с оливковым маслом. Ягун не знал меры в своих экспериментах с топливом.

Таня присоединила приглашение Шурасика к остальным и задумалась. К конспектам в тот день она так и не вернулась. Казино приняло ставки. Барабан ее судьбы повернулся.

* * *

На другое утро Таня проснулась очень рано. Открыла глаза и вошла в жизнь сразу и без брызг, как искусный прыгун входит в воду. В голове была кристальная, щекочущая, свежая

ясность. Ни обычного ожидания чашки кофе, которую скелет Дырь Тонианно, приученный Гробыней, подаст ей в постель; ни желания раскачиваться, слабовольно обняв колени, и нового бессильного падения в подушку виноватой щекой – ничего этого не было. Свежие силы распирали ее, хотя спала она часов пять, не больше. Таня поняла, что радуется предстоящей поездке. Радуется, наверное, потому, что скоро увидит Ваньку.

За окном нежно золотился рассвет. Цветом он напомнил ей мороженое с персиковым наполнителем, и она рассердилась на себя за пищевую материальность сравнения. Ужинать надо вечером, такие дела…

Услышав стук в стекло, Таня подошла к окну. Вдали хорошо различался серебристый полукруг драконбольного поля. Гораздо ближе энергичными зубцами прочерчивались две ближние башни Тибидохса. Давно знакомый и любимый вид.

За окном на ревущем пылесосе завис Баб-Ягун. Несмотря на жару, он был в утепленном драконбольном комбинезоне, в меховой шапке и в перчатках. Здесь внизу это выглядело нелепо, но когда они полетят высоко над землей в ледяном воздушном течении, смеяться будет тот, у кого хватило ума предусмотрительно утеплиться.

– Коброе путро! – сказал Баб-Ягун. Он всегда так издевался над утром, и утро ему это пока спускало.

– И тебе того же и без хлеба, – отвечала Таня.

Ягун сердито уставился на ее белую ночнушку.

– А это еще что такое? Ты еще не готова?

– Я буду готова, когда ты перестанешь меня отвлекать. Встречаемся через десять минут у подъемного моста.

– Десять минут? Ха, ха и еще раз ха! Женские десять минут – это верные полчаса. Я мог бы поспать подольше, – с сожалением сказал Ягун.

Играющий комментатор развернул пылесос и, газанув, скрылся. Таня наметанным глазом определила, что он направился не к подъемным воротам, а к окнам Кати Лотковой. Повезло Ягуну, что Лоткова осталась в магспирантуре. Не то что лопух Ванька, от которого кроме купидонов с редкими письмами ничего толкового не дождешься.

Ванька улетел десять месяцев назад, в августе. На старом пылесосе с обмотанным скотчем шлангом, который подарил ему Ягун. Прощание вышло скомканным. В последнюю минуту, когда Ванька, то и дело оглядываясь, грустный, сутулый, садился на пылесос, Таня повернулась и убежала в комнату. На душе у нее было скверно. Даже не кошки скреблись, а старые холостяки оттирали наждаком пригоревшие кастрюли.

– Все, пока! Ненавижу стоять и махать платком. Заскакивай как-нибудь! – сказала она, собрав всю свою волю.

За неполный год Ванька прислал девятнадцать писем. Чуть меньше двух писем в месяц. Он писал, что поселился в покинутой сторожке лесника, в бревенчатом доме. Дом он описывал не без юмора. Говорил, что если подняться на чердак, сквозь крышу открывается прекрасный вид на звездное небо. «Проще говоря, крыша дырявая!» – расшифровала Таня.

Весь стол, писал Ванька, у него завален книгами, не магическими, человеческими. Философия, искусство, художественная литература.

«Я заново открываю для себя жизнь. Читаю то, на что раньше не было времени, а сам все не могу отказаться от прежней привычки искать на полях тайные знаки, предупреждающие об ослепляющих абзацах, ядовитых закладках, засасывающих дырах и прочих милых проказах авторов. Мне кажется, наши магические книги не так интересны. Они не объясняют смысла жизни, а лишь содержат прикладные сведения о нежити, заклинаниях, астрологии, защите от сглаза и так далее… Если разобраться, не мы, маги, отделили себя от обычных людей, но обычные люди отринули нас от себя. Нам не следовало изолироваться. В результате наша жизнь во

многом стала суррогатом. Мы слишком увлеклись преобразованием жизни, вместо того чтобы просто наблюдать ее», – писал Ванька, и Таня думала, что он стал гораздо серьезнее.

Разумеется, Ванька поселился в глуши не затем, чтобы читать лопухоидные книги и латать дыры в образовании. У него была и другая, более ясная и близкая цель. Он занимался ветеринарной магией в расположенной неподалеку, в четверти часа полета на пылесосе, лечебнице, где, кроме него, работал только один маг – бровастый и сиплый старик, плод запретной любви домового и жившей два столетия назад жены лесника. Когда не было дел, старый маг часами мог сидеть неподвижно. Казалось, он не дышит, и если к губам и ноздрям его поднести зеркальце, оно не запотеет.

В лечебницу, как забавно писал Ванька, обращались в основном лешаки с жалобами на гарпий, водяные с доносами на лешаков и гарпии со сварливым нытьем, что их никто не любит, хотя они мягкие и пушистые – и всех приходилось принимать, хотя лечение нежити не входило в прямые обязанности ветеринарного мага. Это была скорее их неминуемая побочная составляющая. Дважды приходилось оказывать помощь вепрям, застывшим в зимнем лесу, один раз оборотню и один раз собаке с головой грустной девушки, которая поселилась было в лечебнице и выла ночами, никем не понятая, а после ушла куда-то на восток, заявив, что хочет посмотреть Тибет. Помимо этого существовало еще нечто, какая-то тайна, о которой Ванька не вспоминал, но наличие которой Таня интуитивно ощущала. Тайна эта, как туман, пряталась где-то между строк, как прячется в полдень упорная тень, серым дымком обитая у древесных корней.

Таня и гордилась Ванькой, и сомневалась, что его теперешняя жизнь в чащобе настолько уж полезнее магспирантуры. Слушать жалобы гарпий с не меньшим успехом можно было и на Буяне. И вообще, когда жизнь колотит тебя лицом об стол, это еще не значит, что ты приобретаешь практический опыт.

Облачившись в драконбольный комбинезон, Таня заколола волосы («Они у тебя все время разные. Ты уж, Гроттерша, определись, какого они цвета – медные или темные», – говорила ей порой Склепова) и надела черную горнолыжную шапку. Шапка была подарком Пипы, которая считала старой любую вещь, которую ей пришлось надевать больше двух раз.

Когда Таня открыла футляр, крайняя, самая толстая струна контрабаса издала низкий и радостный гул. Последнее время они летали редко, и инструмент сейчас был явно доволен. Внимательно оглядев смычок и убедившись, что трещин нет, Таня удовлетворенно кивнула и распахнула окно.

– *Тикалус плетутс,* – произнесла она среднее по силе и скорости полетное заклинание. Начинать сразу с *Торопыгуса угорелуса* было неразумно, особенно здесь, в тесном нагромождении башен и строений. Разумеется, Ягун мог считать иначе, но Таня совсем не обязана была идти у него на поводу.

Перстень Феофила Гроттера выбросил зеленую искру. Таня прилегла боком на контрабас, мягко скользнувший в окно. Она развернулась, обогнула башню, пронеслась над стеной, полетные блокировки с которой они с Ягуном в последние месяцы научились обходить, и оказалась как раз над подъемным мостом. Ее встретил брачный хор лягушек, давно облюбовавших зацветший ров.

На подъемном мосту стоял Поклеп Поклепыч, над головой у которого завис Ягун. Поклеп что-то орал, требуя у Ягуна, чтобы он снизился, внук же Ягге пока медлил. Он явно тянул резину. За спиной у Поклепа, поигрывая дубиной, возвышался циклоп Пельменник. «Засыпались, и как тупо! Другого места для встречи не могли найти!» – с досадой на себя и на Ягуна подумала Таня.

– Ага, Гроттер! Еще одна умная нашлась! А ну лети-ка сюда! – заметив ее, торжествующе крикнул завуч.

Перстень Феофила Гроттера нагрелся, отражая сглаз. Таня чуть снизилась, однако с контрабаса не слезла, следуя примеру Ягуна.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Поклеп.

– Ну… э-э… лечу! – ответила Таня. Отрицать очевидное не имело смысла.

– Над Тибидохсом летать не положено! Летать положено на драконболе, – сурово отрезал завуч.

– А плавать с русалками только в ванне! – встрял Ягун.

– Почему? – не понял Поклеп.

– Если летать положено лишь на драконболе, то плавать можно лишь в ванне, – заявил играющий комментатор.

На Поклепа этот аргумент впечатления не произвел.

– Снижайтесь, кому говорят! Давайте сюда пылесос и контрабас! Если кто попало будет через стену летать, зачем тогда стена нужна? Для красоты?

– Ну мало ли зачем? Красота – великая сила. Гулять можно по стене, на лес смотреть… – предположила Таня.

– Ответ неверный, магспирантка Гроттер! Если стены нет, тогда что? Выходит: летай кто хочешь? – склонив голову набок, вкрадчиво спросил завуч.

– Почему бы и нет? – сказала Таня.

Поклеп ухмыльнулся.

– Сегодня летай, завтра проходи сквозь стены, послезавтра телепортируй. И что в результате? Стены будут нашпигованы застрявшими недоучками, а койки магпункта завалены ранеными! Школа превратится в Бардак и Гоморру!

– Содом. Содом и Гоморру, – машинально поправила Таня.

Это была ошибка. Поклеп терпеть не мог, когда его поправляют.

– Выпендриваемся? Умничаем? Я вам поумничаю! А ну марш вниз, я сказал! Вы задержаны за нарушение внутреннего распорядка для учеников! – отрезал Поклеп.

– Мы не ученики. Мы магспиранты, – сказал Ягун.

Поклеп приятно удивился. Его маленькие глазки собрались у переносицы в кучку.

– Да что вы говорите? А шапочку перед вами не снять, магспиранты недоделанные? В ножки не поклониться?.. А ну живо сюда пылесос и контрабас! Вам придется объяснять свое поведение педсовету!

На лбу у завуча, как канаты, вспухли жилы. Это был скверный признак. Таня и Ягун переглянулись. Было ясно, что он закусил удила. Что делать? Неужели все бросать и отправляться к Сарданапалу, единственному, кто может надавить на Поклепа? Учитывая, что академик спит обычно допоздна, это может занять несколько часов, а там окажется, что и лететь сегодня поздно. Выход из положения нашел Ягун. Он послушно направился к Поклепу, но когда тот протянул руку, пылесос странным образом взбрыкнул, взревел и рванулся в сторону. Ягун едва удержался, вцепившись в трубу.

– А-а-а! Мамочка моя бабуся, спасите! Мой пылесос! Он сглажен! Я не могу его остановить! Спасите меня, люди добрые! Я слишком молод, чтобы умирать! – завопил играющий комментатор.

Повиснув на рвущемся из рук шланге, он стремительно умчался в сторону *Грааль Гардарики*. Поклеп, никак не ожидавший такой наглости, опешил. Таня взмахнула смычком и устремилась за Ягуном.

– Куда ты, Гроттер! А ну стоять! – опомнившись, закричал ей вслед Поклеп.

– Ягуна спасать… Разобьется ж человек! – отвечала Таня.

– Мы еще вернемся к этому разговору, магспирантка Гроттер! Я ничего не забываю! – догнал ее яростный вопль Поклепа.

Вода плеснула. Из рва высунулась всклокоченная шевелюра Милюли.

– Нет, забываешь! Клепа, ты забыл принести мне завтрак в болото! Я сегодня буду халтурить, целуя тебя в щечку! – сказала она томно.

Пельменник не выдержал и гоготнул. Поклеп повернулся к нему с такой яростью, что циклоп вытаращил глаз и, надув щеки, вытянулся по стойке «смирно».

Таня нагнала Ягуна уже у купола. К тому времени внуку Ягге надоело уже болтаться на шланге и он перебрался в седло пылесоса.

– Тебе не кажется, что мы нарвались? – спросила Таня озабоченно.

– Не-а, не особо… Хотя вонь, конечно, будет… И вообще, Танька, ты все время забываешь, что мы уже не дети. Нормальные взрослые люди! – сказал Ягун важно.

Таня посмотрела на этого «нормального взрослого человека», который, болтая ногами, сидел на пылесосе, и вздохнула.

– А Поклеп, несмотря на все свои заскоки, не такой уж и мерзкий. Даже где-то добрый. Немного психопат, но это уже издержки производства. В школе нормальные люди не удерживаются! Одни мигом становятся буйными психами, а другие заторможенными, – великодушно сказал Ягун.

– Скажи спасибо, что миляга Поклеп не влепил в твой пылесос пару боевых искр. Высоко пришлось бы падать, – улыбаясь, проговорила Таня.

Ягун не слишком испугался.

– Да ну. Он бы не стал нарываться. За каждый мой перелом бабуся сказала бы ему такое «спасибо», что он до конца жизни вздрагивал бы даже при слове «пожалуйста».

– Думаешь, сказала бы?

– Ты Ягге не знаешь. Я ее бзик. Даже так: «любимый бзик». И вообще за смертью надо гоняться. Тогда она испугается и убежит, – решительно заявил Ягун.

Немного суеверной Тане, убежденной не без оснований, что все слова материальны, это утверждение показалось слишком смелым.

– А если не убежит? Если скажет: «Ах! Какой милый мальчик! Ну пусть он меня догонит, если ему так хочется!» – заметила она.

Ягун не стал возражать. Небо впереди стало светлее. Солнце чуть расплылось. Это означало, что купол Тибидохса совсем рядом.

– *Грааль Гардарика!* – разом произнесли Таня и Ягун.

Семь радуг, разомкнувшись, пропустили их. И хотя внешне все осталось таким же: небо, ветер, солнце, взлохмаченные воды неспокойного океана внизу, – ощущения от окружающего стали иными.

«Внешний мир… Это внешний мир», – подумала Таня.

* * *

Контрабас скользил в воздушном течении точно челн, который несется в быстром потоке. Но была в движениях контрабаса и некая неуверенность. Мудрый инструмент чувствовал нерешительность хозяйки, улавливая дрожь смычка в ее руке. Таня никак не могла определиться, в какой последовательности будет разносить приглашения. К кому лететь первому? К Ваньке? Да, к Ваньке ей хотелось больше всех. Но ведь она там застрянет и как тогда быть с остальными бумажками?

Ах, Ванька, ну и пенек же ты! Любимый, родной, единственный, но пенек пеньком! Ничего-то ты не понимаешь!.. Нет, к Ваньке она залетит позже, когда будет внутренне готова к встрече. Вначале стоит эмоционально разгореться и войти в ритм. Слишком давно она жила только учебой и драконболом.

– Тогда к Склеповой! – решила Таня. Никто и никогда не мог взбодрить и протрезвить ее лучше, чем Гробыня.

Рука со смычком приобрела твердость. Перстень без подсказки выбросил еще одну искру, и пришпоренный контрабас понесся вдвое быстрее. Все лишние мысли и сомнения умчались

вместе с ветром. Теперь задача была одна – удержаться на инструменте и не дать ветру себя сбросить. «Что может быть лучше? Прекрасный способ очистить мозги от ненужной информации и тупых загрузонов», – мельком подумала Таня, прижимаясь к контрабасу грудью, чтобы ее не сорвало встречным ветром.

Ягуна рядом с ней уже не было. Вместе они летели только над океаном, страхуя друг друга на всякий пожарный случай. Когда же внизу показалась суша, играющий комментатор покинул ее, крикнув, что летит к Семь-Пень-Дыру. Его пылесос быстро набрал высоту в поисках другого, попутного воздушного течения.

Соображая, где ей искать Гробыню, Таня вспомнила, что Склерова – вторая ведущая шоу «Встречи со знаменитыми покойниками». А раз так, то имеет смысл для начала заскочить на Лысую Гору и отыскать Грызиану. Уж та-то, как главная ведущая «Встреч», должна знать, где Склепова.

– Значит, для начала Лысая Гора… – сказала себе Таня, решительно разворачивая контрабас.

По наследству Тане передалось отличное чувство пространства, которому мог бы позавидовать даже вожак гусиной стаи. В тех же случаях, когда она начинала сомневаться, перстень Феофила Гроттера, ворча (ну как же он мог без ворчанья-то?), выбрасывал направляющий луч, похожий на тонкую золотую нить.

Несколько часов спустя леса расступились и появилась знакомая гора. Ее лысая макушка морщилась складками оврагов, между которыми, как капельки пота, поблескивали крыши. Ощутив, что она своя, охранное заклинание пропустило Таню без вопросов. Вскоре она уже шла по одной из центральных улиц, волоча на себе контрабас, который здесь, на земле, сразу стал обузой. После десяти минут бестолковых и опасных расспросов (один раз она, обознавшись, едва не обратилась к мертвяку) Таня отыскала «Студию зудильникового вещания».

Именно так назывался плоский двухэтажный дом, занимавший четверть квартала. У дверей на охране стояли два глубокомысленных циклопа. Один ковырял в ухе какой-то железкой. Другой задумчиво заглядывал в дуло пищали, по всем признакам заряженной. Танин опыт общения с циклопами – а их было достаточно и в Тибидохсе – выработал три главных правила. Первое: в глаз циклопам не смотреть и внимания не привлекать, второе – ни о чем не спрашивать и третье – целеустремленная уверенность движений. Именно с этой целеустремленной уверенностью Таня прошла мимо циклопов и оказалась в просторном холле, в который выходило сразу три лестницы.

Посреди холла стояла девушка лет шестнадцати с пего-зелеными волосами, с прической а-ля Гробыня и с жуткими скалящимися черепами на перстнях. Однако этим сходство девушки со Склеповой и ограничивалось.

Таня приблизилась к ней и вежливо спросила, нет ли здесь сейчас Гробыни и где ее вообще можно найти. Пего-зеленая настороженно уставилась на Таню, скользнув взглядом по волосам, лицу и контрабасу. Таня ощутила, что не произвела на нее впечатления.

– Разве вы склепка? – недоверчиво поинтересовалась девушка.

– Кто? – не поняла Таня.

– Ну, в смысле, фанатка?

– Нет.

Девушка очень удивилась. Даже обиделась.

– Как, вы не любите Гробыню? Разве можно ее не любить?

– Почему не люблю? Люблю, но я не фанатка. Так она здесь? – нетерпеливо спросила Таня.

Пего-зеленая прищелкнула пальцами, воспроизводя знаменитый жест Склеповой лучше самой Склеповой. Перстни звякнули.

– Ой ля-ля! Нет, сегодня ее еще не было. Я сама ее жду! – сообщила она.

– Так она скоро будет?

– Это неизвестно. Станешь ждать?

Таня покачала головой.

– Пожалуй, нет. Думаю, мне лучше зайти к ней домой. Где она живет?

Глаза пего-зеленой девушки расширились. Она расхохоталась. Подхалимское эхо услужливо разнесло ее хохот по всем лестницам.

– Нет, вы слышали эту?.. Наглость – второе счастье, а наивность – первое! – воскликнула она.

Таня нахмурилась.

– А что тут такого? Да, я спрашиваю, где живет Склепова. Не знаешь – так и скажи, – произнесла она сердито.

Девушка перестала смеяться.

– Разумеется, не знаю! Никто не знает, но все не прочь узнать! Все без исключения! – сказала девушка с розово-фиолетовыми волосами, делая рукой широкий жест.

Таня огляделась и, к крайнему своему изумлению, обнаружила поблизости еще человек десять малиново-желто-сине-зелено-фиолетововолосых. Все они стояли и чутко прислушивались к их разговору. Некоторые демонстративно смотрели в потолок или в пол, будто их ничего больше не интересовало.

– Разнюхивают! Видала? – прошептала пего-зеленая.

– Они тоже ждут Гробыню? – спросила Таня.

Девушка кивнула.

– И давно они тут? – спросила Таня.

– Кто как. Я лично четыре дня. Но не постоянно! Каждые двенадцать часов мы с подругой подменяем друг друга! Ей повезло чуть больше – у нее уже есть автограф и перчатка Гробки!.. Первый раз моей подруге повезло в два часа ночи, а в другой раз Гробыня появилась в четыре часа дня… И снова была не моя смена! Невозможно подгадать, да? – спросила девушка.

Таня усмехнулась, подумав, что Склепова всегда была непредсказуема.

– А по зудильнику нельзя позвонить? – спросила она.

– Говорят, нельзя. Подходит жуткий мордоворот и сразу начинает орать. Редкостное хамло! – сказала девушка с негодованием.

– Охранник, что ли? – не поняла Таня.

Только через десять минут, уже расставшись с пего-зеленой фанаткой, Таня запоздало сообразила, кем был упомянутый мордоворот, и выругала себя, что не догадалась спросить номер зудильника. Возвращаться на студию желания не было. Потоптавшись в замешательстве, Таня решила прибегнуть к магии и вызвать Гробыню через перстень. Такой способ связи тоже существовал, хотя и был более трудоемким. Однако прежде, чем она настроилась и, вызвав в памяти необходимые зрительные образы, произнесла заклинание, ее отвлек шум.

У дома слева от студии стоял здоровенный плотный мужик в безразмерной темной майке. Круглая как мяч, тщательно выбритая голова казалась гостем на его огромном туловище. Через равные промежутки времени мужик ударял в стену кулаком и исторгал вопль, похожий на брачный призыв лося.

Таня взглянула на него искоса, с опаской, собираясь уйти, затем взглянула еще раз, остановилась и недоверчиво всмотрелась. Мужик показался ей удивительно знакомым.

– Гуня! – окликнула она.

Мужик перестал сотрясать дом и медленно, угрюмо, как танковая башня, повернулся. Тане стало не по себе, когда она представила, что могла обознаться.

– О, Танька! Блин! Какими судьбами? – заорал мужик, заключая ее в медвежьи объятия.

– Контрабас раздавишь! – только и успела сказать она.

Наконец лапы Гуни разжались. Таня смогла набрать воздух и определить примерное количество раздавленных ребер. Неужели ни одного? Странно, очень странно…

– Вот я вас и нашла! Зачем ты бедную стену бьешь? Тренируешь *Гломус вломус*?

– Не-а, чего его тренировать? Я изгоняю стресс наружу, чтобы не дать ему разрушить меня изнутри, – подумав, сказал Гуня.

Для прежнего Гуни эта фраза была бы безумно сложной. Сегодняшний же оттарабанил ее бойко, как попугай. «Похоже, Склепова все время повторяла, и он запомнил», – решила Таня. Она еще в Тибидохсе заметила, что Гломов обожает думать Гробыниными мыслями. А еще точнее: полуфабрикатными заготовками ее мыслей.

– Стресс?

– Ну да. Гробыня меня измотала… Сказала: «Стой тут! Жди!» А я ненавижу ждать! Уа! Меня прямо всего трясет! Лучше б дома остался! – заревел Гуня.

Его кулак взметнулся, и от стены вновь полетели каменные крошки.

– А где Склепова? – спросила Таня.

– Она это… в магвазине. Она способна на минуту заскочить в магвазин за зубной щеткой и вернуться через три часа с тележкой покупок.

– А ты сам с ней ходи! – предложила Таня.

Гуня ухмыльнулся.

– Гы! Так она меня и взяла! Она говорит, что я у нее над душой стою!.. И вообще, когда я с ней в магвазине, ее трясет!

Неожиданно какая-то радостная мысль посетила Гуню. Его бандитская физиономия просветлела.

– Ты же тут? Сейчас мы ее вызвоним! – сказал он.

Довольный, что у него появился повод дернуть Гробыню, Гломов извлек зудильник и несколько раз ткнул в его дно заскорузлым пальцем. Современные модели зудильников позволяли вызывать абонентов контактным способом, не запуская наливные яблочки.

– Ну же! Где ты там? – нетерпеливо пробормотал он.

Поцарапанное дно зудильника осветилось. На нем возникла разгневанная физиономия Склеповой.

– Ты меня достал! Пяти минут не можешь без мамочки?

Гуня замычал и сместил экран зудильника так, чтобы Гробыня могла увидеть Таню. Таня не сказала бы, что Склепова чрезмерно обрадовалась. Если ее разновеликие глаза и расширились от изумления, то незначительно.

– О! О! Жди меня! Я сейчас! – сказала она и отключилась.

Таня думала, что Склепова примчится как метеор, однако не тут-то было. Гробыня появилась только минут через десять с кучей пакетов. Ее каблуки касались асфальта с особенным, четким звуком. Во всем облике Склеповой царила восхитительная, расслабленная небрежность. Это была королева, хозяйка жизни. Сунув пакеты Гуне, Склепова небрежно обозрела Таню.

– Что у тебя за ссадина на подбородке? Сарданапал побил? С кровати упала?

– А… это?! Кто-то из третьекурсников налетел… Соловей взял меня на драконбол младшим инструктором, – вспомнила Таня.

Брови Гробыни выразили все, что она думает об упомянутом виде спорта.

– Драконбол, а? Физкультура лечит, а спорт калечит, а?.. Ну иди ко мне, дорогая!

Таня подошла. Гробыня обняла ее холеными руками и осторожно поцеловала в щеку.

– Имей в виду, Гроттерша! Выглядишь ты плохо! Не то чтобы плохо, но неухоженно. Так недолго из человека превратиться в спортивно-ломовую лошадь!

Таня улыбнулась.

– Спортивно-ломовую? Такие разве бывают?

– И не такие бывают. Посмотри в зеркало, киса!

Лицо Гробыни стало вдруг озабоченным. Вспомнив о чем-то, она быстро извлекла пудреницу, щелкнула крышкой и внимательно оглядела свою верхнюю губу.

– Так и есть! Герпес! Сглазили, собаки! – сказала она без особой досады.

Постояла, подумала о чем-то своем, глядя поверх волос Тани. Таня почувствовала, что формальная часть закончена. Склепова с ней уже поздоровалась.

– Ты-то здесь какими судьбами? Проездом али по амурным делам? Хотя какие у тебя амурные дела? Печаль одна, – спросила и сама себе ответила Склепова.

Таня порылась в сумке и передала одно приглашение ей, одно – Гуне. Гробыня небрежно прочитала.

– А я-то думала, когда их осенит? Пять дней после окончания школы… Пять минут после окончания школы… И конечно, надо собираться всей толпой! Сопливая сентиментальщина! – сказала она.

– Так ты не приедешь? – с обидой спросила Таня.

– Почему не приеду? Кто тебе сказал такую чушь? Разумеется, приеду. Где я еще увижу дураков в таком количестве?

Таня собралась прощаться, однако у Гробыни были другие мысли на этот счет.

– Значится так, Гроттерша! Сегодня ты ночуешь у нас с Гуннием. Через сорок минут у меня запись… Думаю, за три часа отстреляемся. Потолкайся где-нибудь в студии, а вечером поужинаем.

Таня хотела сказать, что ей нужно разнести кучу приглашений, но Гробыня, не слушая, уже неслась куда-то. О том, что у Тани могут быть иные планы, ей и в голову прийти не могло. Таня подумала, что Гробыня очень счастливый человек. Существуя в своем склеповоцентричном мире, она и представить себе не может, что есть еще чьи-то желания и проблемы, кроме ее собственных. Мир вертелся для Гробыни и вокруг нее. И как ни странно, этот эгоизм был таким здоровым, таким заразительным, что не отталкивал. Скорее в нем было что-то завораживающее и притягательное.

«А почему бы и нет?.. К чему такая спешка? Приглашения можно разнести и завтра», – сказала себе Таня.

– Гуня! За мной! Мы опаздываем! – озабоченно взглянув на часы, велела Склепова.

И не оборачиваясь, быстро двинулась вперед. Так они и шли: впереди величественная Склепова, немного позади – Таня с контрабасом. Гуня, с ненавистью толкая коленями пакеты, тащился сзади, как большая собака, которой неохота возвращаться домой с прогулки.

Прохожие оглядывались на них. Точнее, не на них, а на Гробыню.

– А ты знаменита! Меня там какие-то едва не затоптали, – сказала Таня.

– Кто еще?

– В студии внизу толпятся. С волосами, как ты пару лет назад в Тибидохсе носила…

– А… эти… склепки… – сказала Гробыня небрежно. Все же заметно было, что она довольна.

– Слушай, а ты не сказала им, что ты та самая малютка Гротти, которая поссорила Пуппера с тетей и ухлопала Чуму-дель-Торт?.. – спросила она.

Тане такое и в голову прийти не могло. Зачем посвящать кого-то в свою личную жизнь?

– Нет, не сказала.

Гробыня кивнула.

– Так я и думала. Кого сейчас интересует это старье?.. Меня другое занимает. Ты смотришь «Встречи с покойниками»? – удивилась Гробыня.

– Нет, – сказала Таня.

Гробыня нахмурилась:

– Че, серьезно? Или прибедняешься? Типа: я телик не смотрю, я с ним живу?

– Серьезно.

– А вообще что-нибудь смотришь из передач?

– Очень редко. Думаешь, вру?

– Все врут. Просто некоторые врут себе, – пожав плечами, философски сказала Гробыня.

– Как это?

– Элементарно. Я вру другим, но не вру себе. Ты не врешь другим, зато обманываешь себя. Хотя, в общем, почему нет? Кто-то же должен быть лузером?

В студийном холле Склепову немедленно окружили фанаты. Восторженные лица, сияющие глаза. Гробыня дала несколько автографов, а затем взглянула на Гуню, и тот, расставив руки с пакетами, точно ледокол, проложил ей дорогу в толпе. Самых активных фанаток, которые не прочь были отщипнуть от Гробыни кусочек на память, Гломов брал под локти и бережно относил в сторону.

На Таню, которая беспрепятственно шла рядом с Гробыней, фанаты смотрели с завистью.

– Прорвалась-таки, пролаза! Ненавижу! – прошипела пего-зеленая девушка, свисая с плеча у Гуни, который не нашел другого способа убрать ее с пути.

Наверху Гробыня сразу удалилась в гримерку. Таня с Гуней остались в комнате с круглым столом, на котором можно было найти растворимый кофе, сахар и бутерброды. Таня, не евшая с утра, хотела было налить себе кофе. Она спросила у Гуни, где взять чашку. Тот показал на раковину в углу. Возле раковины стояли две грязных чашки с отбитыми ручками, заляпанные высохшей кровью. В крайней чашке лежал откушенный мизинец.

Отскочив, Таня сообщила об этом Гломову. Гуня не удивился.

– Гады… Говорят им: убирайте за собой! Ни фига! То тырят посуду, то ваще не моют.

– А палец?

– Чего тут непонятного? Вчера Малюта Скуратов заскакивал на прямой эфир… Народ замотался. Так что, будешь кофе, нет?

Таня отказалась. Мимо прошла Грызиана Припятская, надушенная, с десятком браслетов на худых, с веснушками запястьях. Она оказалась совсем маленького роста. Тане, которая в детстве часто видела ее по зудильнику, почему-то казалось, что она выше. Зато знаменитое бельмо на глазу существовало в действительности, в чем можно было легко убедиться. Простенький защитный амулетик, давно болтавшийся у Тани на грифе контрабаса, звякнул и закачался, столь сильны были исходящие от Грызианы волны недоброжелательности. Не к Тане конкретно, а вообще.

Сквозь приоткрытую дверь гримерки Таня увидела, как она расцеловалась с Гробыней, которая пожаловалась Грызиане на герпес.

– А ты как хотела? На заразу и зараза лезет! – сочно расхохотавшись, сказала Грызиана.

Студия мало-помалу заполнялась массовкой, в обязанности которой входило радостно вопить и хлопать в ладоши при появлении ведущих и далее по сигналу.

Два дюжих ведьмака из отдела технического обеспечения протащили обмотанный цепями гроб со следами влажной земли. Шедший позади ведьмак нес лопату. Вид у всех троих был деловой и замотанный. В гробу кто-то ворочался и гулко кашлял.

– Ну как тебе тут? После Тебе-сдохса, а? – хохотнул Гломов. Ему лично ничего не мешало уплетать бутерброды.

Таня пожала плечами.

– Все дело в привычке. Через недельку и я бы освоилась, – сказала она, проводя рукой по полированному боку контрабаса.

Гуня не спорил. Он ел. Делать же два дела сразу Гломов не умел. Все-таки был не Юлий Цезарь.

– Слушай! У вас же на передаче настоящие мертвецы? – спросила его Таня, вспомнив о чем-то.

– М-м-м… Да… – с набитым ртом промычал Гуня.

– А как Гробыня с ними разговаривает? С мертвецами же нельзя.

– Ты чего, ни разу не смотрела, что ли? А, ну да… Короче, там бронированное стекло, вроде колпака. Мертвецы по одну сторону, Грызиана и Гробка – по другую. И потом вопросы они задают не напрямую, а уклончиво: «А не знают ли ботинки товарища Сталина, почему он позволил германским войскам перехватить инициативу в первый месяц войны?» Или: «Что волосы Клеопатры думают о любви? Должна ли девушка изменить юноше из мести, если юноша изменил девушке?» – пояснил Гломов.

Он почесал недоеденным бутербродом лоб и радостно сказал:

– Хочешь прикол? Гробка до того привыкла, что теперь и дома иногда говорит: «А не знают ли зубы Гуни Гломова, какого фига они сожрали всю копченую колбасу и ничего не оставили мне, любимой?»

– Слушай, а вы с Гробыней когда-нибудь ссоритесь? – спросила Таня с внезапным интересом.

Ей хотелось понять, как это происходит у других. Ей самой, когда она ссорилась с Ванькой, казалось, что мир перевернулся.

Гуня перестал жевать, что в его варианте говорило о сильном замешательстве.

– Да, было один раз довольно сильно… Она на меня накричала, я на нее. Ну и пошло-поехало! Всю мебель в доме сокрушили, всю посуду перебили. Входную дверь я и ту в куски разломал. И вот стою я с обломками стула в руках, а Гробыня лежит на кровати вниз лицом и у нее дрожит спина. Мне кажется, что ничего уже не срастется, все потеряно. И тут я вдруг вижу, что она выуживает между кроватями упавшую расческу… Дурдом, короче… Как с ней после этого ссориться?

* * *

Съемки затянулись и завершились лишь к семи вечера. Таня услышала, как Грызианка в студии громко проклинает всех за окончание съемок. В ее варианте проклятия означали благодарность. Погасли софиты. Трусливо закрывая руками лицо, промчался сглаженный оператор, покрытый бородавками размером с кулак. Целеустремленные ведьмаки утащили гроб. В гробу кто-то устало пыхтел и устраивался на ночь.

Отвечая на ходу на звонки двух зудильников, прошла куда-то недовольная Грызиана Припятская. Наконец появилась Гробыня и, ободряюще помахав Тане и Гуне, отправилась смывать грим. Таня решила, что это еще на час, однако Склепова появилась минуты через две.

– Ну все… потопали из этой помойки! – сказала она бодро.

Гуня встал и с хрустом потянулся. Ждать Гробыню ему было явно не впервой. Он даже успел вздремнуть в кресле.

– Ну как запись? – спросила Таня.

– А… рутина… ничего особенного, – отмахнулась Гробыня.

– Кто хоть был-то?

– Этот… как его, блин… Бирон, фаворит царицы Анны. Все надеялись, что он окажется злобным, бойким, все-таки всю Россию в кулаке держал, а он тупой как пробка. Сидит и щеки дует, индюк! Не, Иван Грозный был лучше. Живенький такой старичок, подвижный! Пригвоздил посохом звукооператора, когда тот кинулся микрофончик поправлять. Отличный крупный план получился.

Пробившись сквозь толпу фанатов, от которых пришлось откупиться дюжиной автографов, Гробыня вышла на улицу. В природе царила уже легкая задумчивость, какая бывает ранним угасающим вечером. В пруду плескались русалки. Пухлый равнодушный водяной плавал

на спине как утопленник и, высунув руки из воды, читал газету, которая иначе намокла бы. В прозрачном синем животе его булькали свежепроглоченные лягушки.

Гробыня некоторое время петляла в переулках, чтобы убедиться, что никто из фанатов за ними не увязался, а затем решительно направилась к двухэтажному дому. Дом, каменный, массивный, с толстыми решетками на окнах, был интересен полным отсутствием дверей. Во всяком случае, Таня обнаружила таковые не раньше, чем Склепова вслед за Гуней прошла сквозь стену, буркнув: «*Пролазищс*».

Таня повторила заклинание, после чего перстень Феофила Гроттера неохотно выбросил красную искру. Невидимая дверь, сквозь которую Таня прошла, оказалась неприятной. Тане почудилось, будто она протискивается сквозь упругий, вздрагивающий холодец. Оказавшись с другой стороны, она невольно схватилась за волосы.

– Не бойся, Гроттерша! С твоими залысинами все в порядке. Что ж я, враг своей прическе? – сказала Гробыня.

Она стояла впереди, в полутьме. Мягкий свет лился сзади, очерчивая проем, ведущий во внутреннюю часть дома. Где-то за ее спиной, натыкаясь на стулья, грузно ходил Гуня.

– А как-нибудь по-другому устроить дверь нельзя? – спросила Таня, по-прежнему ощущая кожей прикосновение мерзкого студня.

– Это ж Лысая Гора. Ты другой двери и не захочешь, когда ночью какой-нибудь упырь будет к тебе ломиться… – лениво сказала Склепова.

Гуне наконец удалось зажечь светильник. Таня с любопытством огляделась. У стены располагался небольшой бар. Его стойка была выложена красным кирпичом. На стойке – хрустальный шар для гаданий и тут же, немного в стороне, привинченный к стене гроб, служащий полкой для книг. Правда, книг на нем было гораздо меньше, чем пивных бутылок необычной формы. Но это уже, видимо, царство Гломова.

Несколько стульев с вычурными спинками, высокий трехногий табурет с узким сиденьем, длинный стол и светильник, раскачивающийся на растрепанной висельной веревке, дополняли картину. Ах да, еще в гостиной у стены помещался большой стационарный зудильник, и тут же рядом мягкий, очень уютный на вид кожаный диван.

– Засасывающий диванчик. Осторожнее с ним! – сказала Склепова, проследив направление Таниного взгляда.

– В смысле?

– А никакого смысла! Заснешь на нем ночью и – фьють… Засосали и сожрали. А так сидеть – сиди, – разрешила Гробыня.

Тотчас, подтверждая ее слова, на диван грузно плюхнулся Гуня, включив с пульта зудильник.

– Ща будет бокс! – сказал он радостно.

– Ну наконец-то! Теперь его долго не будет ни видно, ни слышно! – сказала Гробыня и потащила Таню показывать дом. Кроме гостиной, внизу обнаружились еще две спальни, в одной из которых была установлена необычная медная ванна, отлитая в форме половины ракушки.

– Недурно, да? – вскользь, но с явной гордостью спросила Гробыня, заметив, что Таня с интересом разглядывает ванну.

Таня подтвердила, что недурно. Как оказалось, Склепова сама нашла ванну в старом доме, который вот-вот должны были снести.

– Еле успели упереть… Хорошо, что у меня был с собой компактный трактор, – сказала Гробыня.

– Какой трактор? – не поняла Таня.

– Да вот он сидит, дармоед! Свалился на мою голову, изгадил молодость, опошлил юность! – Склепова небрежно кивнула на гломовскую спину. Спина осталась безучастной. Она смотрела бокс.

– Эй, Глом! О тебе говорят! Не хочешь как-нибудь пошевелиться, что-нибудь сказать? – продолжала атаковать Гробыня.

Гуня, которому она мешала смотреть зудильник, не оглядываясь, швырнул назад подушку.

Таня продолжала осматриваться.

– Необычная люстра! Мне нравится! – сказала она, разглядывая массивный деревянный круг, висевший в спальне над кроватью Гробыни. Вдоль обода в просверленных отверстиях помещались свечи, общим числом более сотни. Свечи были вечные и негаснущие, что не мешало им чадить и капать воском.

– Ой, да я тебя умоляю! Обычное колесо! – сказала Гробыня, втайне крайне довольная.

Стоило ей об этом упомянуть, Таня вспомнила, где прежде видела такой же круг.

– А, тележное колесо! А я никак не соображу, что это!

Гробыня перестала быть крайне довольной.

– Ты уже пошутила? Смеяться можно? Тогда ха-ха! – сказала она.

– Ты это о чем?

– Тележное колесо? Проснись и пой, Гротти! С колесницы Птолемея, грека на египетском престоле, не хочешь? Если тебе что-то говорят слова «грек» и «престол», – заявила она.

Таня с сомнением взглянула на круг со спицами, однако спорить не стала.

Обход квартиры продолжился. Гробыня то и дело останавливалась, будто подсказывая Тане, где и чем надо восхищаться. Таня ощущала себя морозом-воеводой, который обходит не свои, а чужие владения. Ей явно не хватало эмоционального градуса, чтобы в должной мере насытить тщеславие Склеповой.

«До чего же она любит играть в «позавидуй мне!» – подумала Таня.

Правила игры были простые. От гостя требовалось хвалить все что угодно, хозяин же небрежно отмахивался и просил его прекратить. Однако если гость действительно внимал мольбам и прекращал, в следующий раз его уже не звали.

– Ну все! Берлогу посмотрели, теперь можно и поесть! – смилостивилась наконец Склепова.

Гробыня подошла к холодильнику – холодильник был заурядной лопухоидной марки, хотя и с дюжиной пулевых дыр – и, порывшись, достала два унылых йогурта, стеклянную банку с холодными котлетами и три рахитичные морковки.

– Опять никто не сходил за жратвой! Ну ничего, не в диете счастье… Посидим, потреплемся! – вздохнула Гробыня и красными искрами принялась бомбардировать чайник, помогая ему закипеть. – Ну как тебе наше воронье гнездышко? – спросила она у Тани.

– Впечатляет. Слушай, а как твои родители отнеслись к тому, что ты поселилась на Лысой Горе с Гуней? – спросила Таня.

Гробыня поморщилась.

– Ну… они были не в восторге. И от Лысой Горы, и от Гунния в особенности. Представляешь, этот лошак, когда я его с ними знакомила, ковырял в ухе горлышком пивной бутылки! Просто убила б!.. Мама встала в стойку и начала вопить в духе, что «мать всегда права!», но я сделала ловкий ход. Я сказала, что сама могу стать мамой не сегодня завтра, если меня не оставят в покое. В общем, родители отвяли. В сущности, им и дергаться было нечего. Пока я училась в Тибидохсе, они видели меня месяц в году – не чаще.

– Это – да, – грустно сказала Таня, вспоминая своих родителей, которых ей вообще не случилось увидеть, если не считать единственного раза, в матче со сборной вечности. Эх, папа-папа… Спасибо тебе!

Перстень Феофила ободряюще потеплел.

– Эй, Гроттерша! Ты недодала мне повиливаний хвостиком! Где восторги? Где обморок от счастья? Как квартира-то? Лучше, чем наша жалкая каморка в Тибидохсе? – спросила Склепова, любившая получать похвалы в ненормированном количестве.

Таня уклончиво промолчала. В «нашей жалкой каморке» жила теперь она.

– Мы еще второй этаж не смотрели, – сказала Таня, вспоминая, что дом был двухэтажный.

Гробыня облизала губы.

– И не посмотрим. Наш только первый. Вон там есть лестница на второй, но она заложена, – небрежно сказала она, кивая на глухую стену.

В этой небрежности Таня чутко уловила недовольство. Еще бы – вместо восхищения тем, как Склепова устроилась во взрослой жизни, охов, ахов, восторженного блеянья и беготни по трем комнаткам, Гроттерша нарушает правила игры. Позор таким подругам!

– А кто на втором живет? – спросила Таня, просто чтобы что-то сказать.

– Откуда я знаю кто? Говорят тебе: заложена лестница. – Склепова ковыряла вилкой в банке с таким раздражением, словно хотела, чтобы котлеты вновь стали фаршем.

– А, понятно! Значит, где-то с улицы должен быть вход, – предположила Таня.

– Входа нет, – сказала Гробыня.

– Как нет?

– А так. Ты же меня знаешь: существуй он, я бы его нашла. Только через ставни, но они вечно закрыты, – уверенно ответила Гробыня.

– А как жильцы второго этажа к себе попадают? – спросила она.

Гробыня пожала плечами.

– А шут их знает как… Может, телепортируют, а может, вообще из дома не выходят. Ты меня грузишь, Гроттерша! Какая мне, блин, разница, кто живет у меня над головой? Мы с Гуней и дома-то не каждую ночь бываем.

Таня давно знала Склепову, изучила ее до малейших деталей. Голосом Склепова могла ввести в заблуждение кого угодно. Он мог становиться то мягким, то вкрадчивым, то немного обиженным, то, напротив, грозным – и все в течение единственной минуты. Голосу, этому ловкому лгуну, верить не стоило. И поэтому Таня незаметно посмотрела на руки Склеповой. Ага! Хотя голос Гробыни звучит с восхитительной небрежностью, левой рукой она нервно вращает, почти дергает на пальце перстень.

«Темному магу нельзя иметь такие честные руки», – подумала Таня и спросила:

– А если там вообще никто не живет?

Почему-то довольно заурядная история со вторым этажом не давала ей покоя. Наверно, все дело было в магической интуиции, унаследованной от прадеда и отца.

Склепова с интересом заглянула в пустой стаканчик из-под йогурта, как если бы ожидала найти там по меньшей мере алмаз.

– Нет, кто-то все-таки живет. Пару раз я слышала, как кто-то там озабоченно ходит, что-то бормочет, иногда до утра. И снова – тишина.

– И вы так и не выяснили, кто это? – не поверила Таня.

– Дорогая, – сказала Гробыня с пафосом. – Соседей, которые шумят только раз в месяц, отлично можно терпеть, даже если не понятно, как они попадают в квартиру. Мы с Гуней буяним куда чаще. И вообще ты меня с кем-то путаешь! Я ведущая рейтинговой программы, а не детектив-недоучка… Поговорим лучше о тебе. Как у вас с Валялкиным? Он с тех пор не был в Тибидохсе ни разу?

Таня вздрогнула. У Гробыни был дар выискивать больные мозоли и наступать на них всей пяткой.

– Откуда ты знаешь? – быстро спросила она.

– Пипенция растрезвонила, – кратко ответила Склепова. – Она иногда мне звонит. Порой это «иногда» происходит чаще, чем я успеваю реально соскучиться. Зато с тобой другая история. Заляжешь на дно, да так, что без глубинной бомбы не всплывешь.

– Он мне пишет. И знаешь, письма у него хорошие. Он становится глубже, развивается. Много думает, читает… – сказала Таня с нежностью.

Гробыня внимательно наблюдала за ней, чуть склонив голову. В этом наклоне головы было затаенное ехидство.

– Так, значит, читает? – переспросила она.

– Читает, – кивнула Таня.

– Развивается?

– Да. Ты что, против?

– Почему «против»? Я всеми руками и ногами – «за»! – Гробыня привстала и метко запустила в Гуню огрызком морковки.

– Слышь ты, спина! Учись как надо! Люди сидят себе в буреломе, газетки читают и развиваются! Не пристают к порядочным девушкам!

Гуня, как разбуженный медведь, глухо заворчал с засасывающего диванчика.

– Ты еще не была у него? На встречу выпускников не приглашала? – допытывалась Гробыня.

– Нет.

– Но полетишь?

– Полечу.

– И когда? Завтра с утра?.. Да ладно тебе секретничать, Гроттерша! Я никому не скажу!.. Ну позязя, я же старая боевая подруга! Любишь его?.. О, Гуня, ты видел! Она кивнула! Она его любит!

– Склепова! – укоризненно воскликнула Таня.

– Что Склепова? Я же не на улице разболтала, а Гуне. А Гуне… Гуне – это все равно что холодильнику, – оправдываясь, сказала Гробыня.

Не вставая, она телепортировала с полки банку с растворимым кофе и поставила ее перед Таней.

– Хороший гость обслуживает себя сам. Найди себе где-нибудь чашку, – предложила она.

– Ага, спасибо…

– Слушай, Гроттерша, чего-то еще хотела у тебя спросить… А тот второй прихехешник? Ну Пуппер? Пишет-то хоть?

Таня улыбнулась.

– Склеп, у тебя язык без костей!

Гробыня не на шутку заинтересовалась.

– А у тебя что, с костями? Интересная анатомическая подробность! Больше никаких признаний сделать не хочешь?

– Отстань!

– Новенькое такое слово: «отстань!» Миллиард раз от тебя его слышала. Отстану, если скажешь: пишет или не пишет! – напирала Гробыня.

– Ну хорошо, пишет… Каждого четырнадцатого числа, – призналась Таня.

– Как-как? – не поняла Гробыня.

– Каждое четырнадцатое число каждого месяца от Пуппера прилетает купидон, – повторила Таня.

Склепова недоверчиво посмотрела на нее.

– Да говорю тебе! Каждого четырнадцатого числа он присылает мне письмо и букет.

Гробыня присвистнула.

– Гуня, слышишь, как у порядочных людей! Все по датам! Решено: ты будешь носить меня на руках строго по расписанию! Каждого третьего числа каждого месяца! А каждое девятнадцатое число, так и быть, я буду целовать тебя в нос. Повесь себе бумажку на зудильник! – крикнула она.

Вдохновленная новой идеей, Гробыня забегала по комнате.

– С ума сойти… Невероятно! У этих иностранцев мозги какие-то разлинованные… И там в одной линеечке, допустим, отмечено: писать письмо Гроттерше каждого четырнадцатого числа… Наш бы написал пять писем за неделю, ответа не получил и проехали. А этот знай себе строчит… Слушай, а может, так правильно? Может, так и надо?

– Что правильно?

– Он тебя приручает, вырабатывает условный рефлекс, как у собаки Павлова. Представляешь, какого-нибудь четырнадцатого числа ты не получаешь от Пуппера письмо. Что такое, почему? Забыл? Не мог он забыть! Распсихуешься и примчишься в Магфорд выяснять, что за дела в натуре? Отлынивать? А ну быстро за карандаш, я сказала!

Гуня услышал окрик и, толком не понимая, к кому он относится, озабоченно завозился. Склепова положила подбородок на руки и задумалась. Лицо у нее стало печальным. Разномастные глаза смотрели с грустью.

– Хочешь я тебе что-то скажу? При всем своем многообразии любовь чудовищно однообразна. Ее превозносят только те, кто сам никогда не любил, а лишь начитался книжек и насмотрелся фильмов. А так, как ни крути, все одно и то же. Те же свидания, те же кафешки, те же слова, только в разной последовательности. Скукота!

Таня взглянула на нее с удивлением.

– Не совсем понимаю, о чем ты… Любовь однообразна, только если это не любовь. С таким же успехом можно сказать, что весь океан одинаковый, потому что он везде мокрый, – проговорила она серьезно.

Склепова зевнула.

– Ну что тебе сказать? Для Валялкина ты уже морально дозрела. Он тоже любит все возвышенное. Танька да Ванька – классическая пара, – заявила она.

Таня отнеслась к словам Гробыни нормально. Более того, в глубине души она с ней согласилась, хотя и выражена мысль была в свойственной Склеповой безапелляционной манере.

– Каждому – свое, – сказала она, взглянув на широкую спину Гломова.

Гробыня хихикнула, сразу поняв, кого Таня имеет в виду.

– Вот именно. Хоть какое, а свое! Ну хватит об этом!.. Малютка Глобынюшка устала! Глобынюшка не хочет лассуждать! Она хочет немного подлазнить Гуню и завалиться баиньки в мягкую кроватку! – сообщила она, мило сюсюкая.

– Как ты его будешь дразнить?

– А так! Вдумайся: такая красивая девушка, как я, гробит с ним жизнь, а эта хмырина вместо того, чтобы умереть от счастья, глазеет в зудильник! Хочешь, чтобы он тебя убил сейчас? Встань между ним и экраном. Я не согласна жить в одной квартире с истуканом! А вот сейчас мы его…

Склепова хихикнула и щелкнула пальцами. Зудильник погас.

– Опс! Бокса больше нету! Победила дружба! – громко сказала Склепова.

Гломов зарычал, сорвался с дивана и бросился душить Гробыню.

– Спокойно, медвежонок, спокойно! Одна больная голова хорошо, а две больные головы лучше! При чем тут я? Просто маленькая авария на подстанции. А теперь садись сюда и слушай! Мы будем заниматься твоим культурным развитием.

Гуня взял себя в руки и грузно сел на стул.

– Кто придумал пылесос?

– Баб-Ягун, – мучительно подумав, сказал Гломов.

Гробыня озадачилась. Кажется, она сама толком не знала, кто его придумал.

– Разве Ягун? А не Леонардо да Винчи, нет? Впрочем, неважно. Экзамен ты сдал. А теперь сбегай в ночной магвазинчик. Купи нам чего-нибудь на перекусон.

Гуня взглянул на свисавшие с камина часы – оплывшие и мягкие, как на картине Дали, и зевнул до щелчка в челюстях.

– Не, не пойду. Какие ночные магвазины? Сейчас одни упыри бродят. Это ж не лопухоидный мир… – сказал он.

Гробыня подумала и решила Гуней не жертвовать. Сила силой, а против толпы нежити шансов у него не было. Гломов еще раз зевнул и, отправляясь спать, локтем смахнул что-то со стола.

– Гуня, ты опять кокнул небьющуюся чашку! – не глядя, сказала Склепова.

Она еще некоторое время посидела с Таней, а затем пожелала ей спокойной ночи.

– Только не вздумай ложиться на засасывающий диванчик. Твой скелет с утра испортит мне аппетит… Там есть раскладушка… Разберешься, как чего открывать? – поинтересовалась Гробыня.

Она была верна своему принципу гостевого самообслуживания.

Таня заверила ее, что разберется. Детство, проведенное в семье дяди Германа и тети Нинели, сделало ее уникальной специалисткой в раскладушечной отрасли.

Погасли свечи. Комната медленно погрузилась в объятия ночи. Тане почему-то не спалось, хотя за день она безумно устала. Она лежала, смотрела в белеющий потолок и перебирала разные темы для ночных размышлизмов.

«Хорошо Гробыне! Ей не надо каждую секунду подсказывать: «Обними меня!» Хотя нет, я к Ваньке несправедлива. Ванька сложный, а Гломов просто зоологический примитив. Жить с ним – тоска зеленая», – подумала Таня, невольно сравнивая Гломова с Валялкиным.

Спохватившись, что размышляет о вещах довольно скользких, Таня выбросила эти мысли из головы. Ее сознание захватила совсем уже случайная и побочная тема – карточная. Она стала думать, какой карте кто соответствует. Сарданапал, конечно, бубновый туз, Тарарах – король червовый. Медузия – пиковая дама, Зуби – крестовая, Поклеп – пиковый король… Ванька? Хм… Ванька – червовый валет. Пуппер – тоже валет, но бубновый. Бейбарсов – пиковый или крестовый. Но Бейбарсов уже не ее валет, а раз так, то прочь его из колоды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.